

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1989

5

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редактора*),
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУ-
ЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР
М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор
ист. наук З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. З. ЗИЯ-
МОВ, доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор фи-
лол. наук Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН,
доктор филос. наук Х. П. ПУЛАТОВ, доктор ист. наук
Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУ-
ЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос.
наук Т. С. САИДБАЕВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙ-
ДУЛЛАЕВА, доктор ист. наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор
экон. наук К. А. ХАСАНДЖАНОВ, доктор филос. наук
С. ШЕРМУХАМЕДОВ, доктор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ,
канд. ист. наук Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, В. И. КНОПОВ
(*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1989 г.

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Негматова*

Сдано в набор 7.06.89. Подписано к печати 22.06.89. P02753. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,25. Усл. кр. отг. л. 5,46. Уч.-
изд. л. 5,0. Тираж 898. Заказ 141. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Фундамент перестройки и решающий фактор достижения ее целей — глубокие преобразования в экономической и социальной сферах. Смысл всей работы в этой области — повернуть экономику к человеку, создать достойные нашего времени условия труда и жизни советских людей. Речь идет прежде всего о таких вопросах, как продовольствие, жилье, услуги, охрана здоровья, защита природы, подъем образования, науки и культуры...

Незамедлительно приостановить нарастание негативных явлений и прежде всего нормализовать положение на рынке — вот сегодня самая неотложная задача.

*Из доклада Председателя
Верховного Совета СССР
М. С. Горбачева на Съезде
народных депутатов СССР.*

Время высветило правильность национальной политики, выработанной Владимиром Ильичем Лениным. Результаты, которые она принесла всем нашим народам, невозможно переоценить. Была проведена огромная работа по преодолению национального гнета и неравенства, подъему экономики и развитию культуры всех наций, населяющих страну. К нашему опыту проявлялся интерес во всем мире, и этого ни в коем случае не следует забывать.

Однако в 30-е годы ленинская национальная политика подверглась грубейшим искажениям и деформациям. Их ощутили на себе практически все народы...

Ясно, что мы обязаны полностью оздоровить национальные отношения, освободить их от всего, что противоречит нашей морали и идеологии, гуманным принципам социализма.

*Из доклада Председателя
Верховного Совета СССР
М. С. Горбачева на Съезде
народных депутатов СССР.*

Н. ТУХЛИЕВ

АРЕНДА И КООПЕРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Происходящая в стране революционная перестройка выдвигает не только принципиально новые, но и совершенно забытые в условиях административно-командной системы и застоя формы организации общественного производства. Об этом, в частности, свидетельствует развитие арендных отношений и кооперации. Они утверждаются почти во всех отраслях народного хозяйства. Только за 1988 г. общее число кооперативов в Узбекистане возросло в 6, численность работающих в них — в 7, а объем реализации продукции и услуг — в 11 раз.

Аренда, как известно, представляет собой имущественный наем, оформляемый договором, по которому одна сторона предоставляет другой стороне имущество (земля, иные средства производства, помещение) во временное пользование за определенную плату. Сама по себе аренда — явление не новое. Она берет свое начало из глубин веков, еще из рабовладельческого строя. Свое дальнейшее развитие эта форма получила в условиях феодального способа производства. Но если в условиях феодализма основным объектом аренды были небольшие клочки земли и примитивные средства производства, то при капитализме ее объектом стали крупные земельные угодья, скот, целые хозяйства, рудники, дома, сооружения, предприятия и др.

Аренда использовалась и в нашей стране с переходом с марта 1921 г. к новой экономической политике (нэп). К этому времени в соответствии с политикой «военного коммунизма» были национализированы не только крупные и средние промышленные предприятия, ранее принадлежавшие капиталистам, но и мелкие предприятия, даже кустарные производства. Жесткая централизация управления, отсутствие хозяйственной самостоятельности, незаинтересованность в конечных результатах труда и другие организационные и технико-технологические неполадки вели к большим потерям в народном хозяйстве.

В. И. Ленин прозорливо видел, что необходимо немедленное укрепление экономического метода хозяйствования и наиболее эффективно это можно сделать путем сдачи кустарных, мелких и средних предприятий в аренду гражданам, группам и коллективам. Исходя из этого, государство сконцентрировало в своих руках более 4,5 тыс. крупных предприятий, где было занято почти 80% всех промышленных рабочих. Эти предприятия находились в ведении Всероссийского совета народного хозяйства (ВСНХ). Остальные предприятия были денационализированы, переданы в ведение местных органов, сданы в аренду. С декабря 1921 г. бывшим владельцам возвращались все мелкие предприятия. В результате этих мер в руках государства еще оставалось свыше 10 тыс. временно бездействующих предприятий, передавать которые частным владельцам было нежелательно. Чтобы не допустить разрушения этих предприятий и поставить их на службу

социалистическому строительству, правительство решило передать их в аренду. К середине 1922 г. число предприятий, сданных в аренду, составило 10 070. Среди них были и довольно крупные по тому времени предприятия, где было занято по 300—500 рабочих.

В первые годы арендная плата вносилась натурой — производимой продукцией, что было обусловлено расстройством денежно-финансового хозяйства страны, наличием острого товарного дефицита. Долевое отчисление колебалось от 30 до 51%. После проведения денежной реформы в 1924 г. и стабилизации рубля арендная плата стала взиматься только деньгами. Сроки аренды, как правило, не превышали 6 лет. В начале 30-х годов аренда государственных предприятий частными лицами была упразднена.

В. И. Ленин придавал большое значение арендной форме хозяйствования, препятствующей распространению бюрократизма в хозяйственный механизм, раскрепощающей коллективы предприятий, позволяющей им чувствовать себя подлинным хозяином производства и созданных материальных благ, добиваться значительных успехов в росте производительности общественного труда, укрепления социализма.

Вопросы арендной формы хозяйствования были рассмотрены В. И. Лениным в ряде работ, в частности в таких, как «Доклад о новой экономической политике», «О продовольственном налоге», «Новые времена, старые ошибки в новом виде», «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства», «О значении золота теперь и после полной победы социализма», «Письмо в редакцию газеты «Экономическая жизнь» и др.

Ленинские принципы аренды сводятся к следующему. Аренда заключается в передаче арендодателем права пользования определенным имуществом арендатору, не являющемуся собственником данного имущества; передача эта осуществляется на определенное время; условия аренды оговариваются в специальном договоре, за рамками условий которого нажитое арендатором имущество остается у него; арендуемое предприятие находится под контролем государства, однако это не означает вмешательства в производственную деятельность предприятия или сковывание каким-либо образом действий коллектива; арендуемые предприятия могут работать на тех же условиях, что и государственные, или на особых условиях, которые оговариваются в договоре; при любых условиях средства, которые остаются у коллектива данного предприятия после расчетов с государством за аренду, расходуются коллективом по своему усмотрению; государство оказывает реальную помощь арендаторам на взаимовыгодных условиях.

Эти принципы и должны быть положены в основу современной политики организации арендной формы хозяйствования.

Кооперативная форма собственности на средства производства представляет собой коллективную собственность, возникающую на основе добровольного объединения членами кооператива всех или части принадлежащих им средств производства, товарных фондов, а также денежных взносов (паев), с последующим ее развитием за счет внутренних накоплений в результате деятельности этих кооперативов.

В России кооперативная форма собственности возникла еще в 50-х годах XIX в., а массовое распространение она получила в начале XX в. На начало 1907 г. в России насчитывалось 1,7 тыс. кооперативов, а на начало 1914 г. — свыше 10 тыс., на долю которых приходилось более 7% всего товарооборота.

Первый съезд кооператоров состоялся в 1896 г. в Нижнем Новгороде. В 1898 г. был создан Московский Союз потребительских обществ — первое общество российских кооперативов. После Октябрьской революции он был преобразован в Центросоюз.

В. И. Ленин придавал большое значение развитию кооперации для укрепления социалистической экономики. Поэтому среди первых декретов Советской власти был декрет «О потребительских кооперативных организациях» от 10 апреля 1918 г. Уже к 1928 г. удельный вес продукции кооперативов в розничном товарообороте достиг 60%.

В первые годы Советской власти развитие кооперации осуществлялось планомерно, на основе ленинского кооперативного плана. В. И. Ленин рассматривал кооперацию как способ «перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»¹.

Ленинский план предусматривал постепенное вовлечение широких масс трудящихся в социализм через простейшие формы сбытовой кооперации (торговой) к кооперации производственной (высшей форме кооперации).

Основные идеи В. И. Ленина об использовании кооперативных форм хозяйствования в социалистическом строительстве были изложены в ряде работ, среди которых важное место занимают статьи «О продовольственном налоге», «О кооперации». Ленинский кооперативный план включал три этапа, учитывающих социально-экономические и политические условия развития общества. Первый — дооктябрьский, обобщающий опыт кооперации в России и предусматривающий разработку теоретических основ социалистической кооперации на уровне научного прогнозирования. Второй этап — период «военного коммунизма», учитывающий ограниченное использование товарно-денежных отношений в социалистическом строительстве. Третий этап — связан с переходом к нэпу, развитию товарно-денежных отношений и их использованию в строительстве социализма. Этот этап предусматривал возрастающую роль кооперации, наиболее удачно сочетающей интересы трудящихся с интересами социалистического строительства. В. И. Ленин обосновал кооперацию как мощный рычаг укрепления социалистических производственных отношений, социалистической формы хозяйствования. «...Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма»².

Руководствуясь этими принципами, и следует развивать кооперативное движение в нашей стране. Однако кооперативы поставлены пока в наименее выгодные условия. Все, что кооперативы покупают у государства (сырье, оборудование, материалы, а также аренда помещений), — подчас из разряда списанных, да и по цене, многократно превышающей те, по которым покупают государственные предприятия. Вот тут как бы и узаконивается спекуляция. Ведь не приходится же в самом деле рассчитывать на то, что кооперативы будут торговать по убыточным для себя ценам! Нередко кооперативы скупают в розничной торговле различные товары и перепродают их втридорога. Это, с одной стороны, обостряет состояние дефицита, а с другой, — практически открывает «зеленую дорогу» для спекуляции. Следует, видимо, перенести центр тяжести из сферы распределения и обмена в сферу материального производства, поощрять те кооперативы, которые сами производят сырье и сами изготавливают продукцию.

Кооперативы сейчас нередко способствуют возникновению нетрудовых доходов, составляющих разницу между ценами, устанавливаемыми на товары и услуги, и общественно необходимыми затратами труда. При капитализме это противоречие регулируется спросом и предложением, рыночными ценами. При социализме одним из механизмов регулирования этого несовпадения может служить прогрессив-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

² Там же. С. 373.

ная, гибкая налоговая политика, которая явно еще не срабатывает. Общая закономерность состоит в сближении хозмеханизмов государственных и кооперативных секторов прежде всего в вопросах материально-технического снабжения и взимания налогов с оборота и прибыли. Если сейчас поднимать налоговую нагрузку кооперативов до уровня госпредприятий, то от кооперации ничего не останется. Так что рано еще говорить о том, что кооперативы находятся в преимущественном положении, поскольку пока с них не взимается налог с оборота.

У значительной части населения растет прямо-таки враждебное отношение к кооперативам: высокие цены, неходовые товары, плохое качество. Понятное раздражение. Но есть ли выход? Альтернатива — в действительном развитии кооперации, хотя бы в выравнивании условий деятельности кооперативных и государственных предприятий, предоставлении кредитных и других льгот, выполнении государственных заказов или работы по прямым договорам с государственными предприятиями и организациями. Нужно добиться реальной конкуренции кооперативов друг с другом, кооперативов с государственными предприятиями, перешедшими на хозрасчет. Конечно, трудно, да почти и невозможно, обеспечить конкуренцию и покончить со спекуляцией в условиях всеобщего дефицита. Наладим дело — и цены, и заработки кооперативов сами собой понизятся, возможно и ниже государственных.

В развитых капиталистических странах рабочие кооперативных предприятий зарабатывают в 1,5—2 раза меньше, чем рабочие государственных предприятий. В Польше рабочие так называемого не-обобщественного сектора получают зарплату всего на 20—25% выше, чем на государственных предприятиях.

За последние годы в сельском хозяйстве республики получили широкое распространение подрядные формы организации труда. В растениеводстве площадь закрепленной за подрядными коллективами пашни составляла в 1986 г. 1794 тыс. га (49%), в 1987 г. — 2464 тыс. га (62%). В 1988 г. на условиях подряда обрабатывалось 88% всей пашни. Численность людей, работающих на подряде, выросла с 28 тыс. человек в 1986 г. до 87 тыс. человек в 1987 г. В 1988 г., по оперативным данным, подрядными коллективами обслуживалось 53% поголовья крупного рогатого скота, 60% — молочного скота, 73% — овец, 84% — свиней и 56% поголовья птицы.

Экономическая эффективность у коллективов, перешедших на подряд, значительно выше, чем у работающих на старых условиях. В 1987 г. подрядные коллективы, возделывая сельхозкультуры на 62% пашни, произвели 73,4% валовой продукции растениеводства. Производительность труда у них была выше на одну четверть. В животноводстве на условиях подряда работало 43,5% общей численности работников, ими произведено 45% валовой продукции отрасли, а производительность труда была выше на 6,4%.

Однако урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животных пока не растут. На прилавках особых перемен нет, а на колхозном рынке повысились цены на целый ряд продуктов. Может быть, еще рано говорить об изобилии сельскохозяйственных продуктов? Но ведь известно, что в результате введения нэпа всего за три года (1922—1925) производство зерна выросло на 33, продукции животноводства — на 34, сахарной свеклы — на 480%.

В Китае за время внедрения семейного подряда (1979—1987 гг.) сбор зерна вырос на одну четверть. Среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства за этот период составили в реальном исчислении 8%, а доходы крестьян повысились в среднем на 14% в год.

В 1989 г. на условиях коллективного, семейного и арендного под-

ряда в УзССР будет обрабатываться вся площадь пашни и многолетних насаждений, а также обслуживаться 88% поголовья крупного рогатого скота на откорме и доращивании, 86% — в молочном животноводстве, 98% — в овцеводстве, 94% — в свиноводстве и 100% — в птицеводстве. Большое распространение получает арендный подряд. Если в 1988 г. в аренду передано 84 тыс. га пашни, то в 1989 г. — 861 тыс. га; крупного рогатого скота — соответственно 13,6 тыс. и 260 тыс., овец — 17 и 706 тыс., свиней — 0,2 и 28 тыс., птицы — 1,9 и 986 тыс. голов.

Главное — не «заболтать» это перспективное направление повышения эффективности общественного производства. Необходимо утверждение подлинных арендных отношений и кооперации, позволяющих преодолеть перекосы и деформации в экономике.

Новый этап кооперативного движения связан с принятием в 1986—1987 гг. ряда постановлений Совета Министров СССР об организации кооперативов по заготовке и переработке вторичного сырья, производству товаров народного потребления, бытовому обслуживанию населения и общественному питанию. Особая роль в возрождении кооперативного движения принадлежит Закону о кооперации СССР, послужившему мощным импульсом для возникновения кооперативных предприятий в новых сферах производства и услуг.

Возрождение кооперативного движения включает в себя два органически взаимосвязанных направления: во-первых, восстановление кооперативных начал в традиционных сферах применения кооперации как формы хозяйствования; во-вторых, распространение кооперативного движения на новые отрасли и виды деятельности и оформление в народнохозяйственном комплексе особого, кооперативного сектора.

Основная цель начального этапа в развитии современной системы кооперации — возрождение кооперации, активное ее использование для расширения производства товаров народного потребления и предоставляемых населению услуг. Экономическая политика призвана обеспечить условия наибольшего благоприятствования, всесторонней организационной и финансовой поддержки, широкой помощи государственного сектора в формировании материально-технической базы и ресурсном обеспечении производства. Развитие кооперативного движения в этот период связывается в основном с использованием личной инициативы и деловой предприимчивости населения.

Отличительной особенностью нынешнего этапа является процесс превращения системы кооперации в особый сектор экономики: утверждаются основные организационные и экономические принципы его функционирования; завершается создание региональных и общереспубликанских союзов кооператоров; складывается собственная производственная и социальная инфраструктура, финансовая система. Для этого периода характерны интенсивное накопление ресурсов и активное развитие диверсификации. Кооперативы занимают основные позиции в ряде отраслей по производству товаров народного потребления и сферы услуг, начинают утверждаться в производственной инфраструктуре промышленности, научно-техническом и информационном обслуживании.

Для более зрелого (предстоящего) этапа кооперации будет характерно функционирование кооперативного сектора как элемента новой экономики. Полное выражение в качестве саморегулятора развития экономики получает социалистическая состязательность и конкуренция между кооперативными и государственными предприятиями. Накопление ресурсов и активная диверсификация интенсифицируют в кооперативном секторе процессы концентрации и централизации. Кооперативы включаются в единый регулируемый рынок, становятся центрами, вокруг которых концентрируются все виды индивидуальной трудовой деятельности. Система кооперации как полноправный сектор

социалистической экономики начинает играть значительную роль в выработке и реализации государственной стратегии и целей экономического и социального развития общества.

Возрождающееся в стране кооперативное движение продемонстрировало огромные потенциальные возможности, заложенные в данной форме хозяйствования. Кооперативы начинают заполнять те «щели» в экономике, которые оказались незанятыми крупными государственными предприятиями. Небольшие по размерам, мобильные, обладающие широким маневром кооперативные предприятия успешно осваивают те виды деятельности, где объективно необходима постоянная ориентация на быстро меняющийся спрос потребителя, а также в сфере единичного и малосерийного производства.

Таблица 1*

Развитие кооперативов в Узбекской ССР

Показатели	Число действующих кооперативов		Численность работающих в них, тыс. чел.		Объем реализации продукции услуг, млн. руб.	
	1987 г.	1988 г.	1987 г.	1988 г.	1987 г.	1988 г.
Всего действующих кооперативов	529	3170	9,9	70,4	20,6	224,4
в том числе:						
по производству товаров народного потребления	138	517	3,7	17,2	6,9	60,6
из них по выработке хлебобулочных и кондитерских изделий	49	84	1,7	1,8	3,4	5,8
торговые	—	6	—	0,2	—	2,6
общественного питания	177	423	1,9	4,9	8,5	26,9
торгово-закупочные	—	51	—	1,5	—	6,7
по бытовому обслуживанию населения	212	1113	3,7	18,3	5,0	51,5
другие виды кооперативов	2	1060	0,6	28,3	0,2	76,1

* Правда Востока. 1989. 26 февр.

Кооперация — эффективная форма опосредования взаимосвязи общественных и личных интересов групповыми интересами; она способствует росту производительности труда, открывает простор для проявления трудовой активности и инициативы, творческой изобретательности и деловой предприимчивости работника. Именно в кооперативах получили наибольшее воплощение принципы полного хозрасчета и самофинансирования, начали утверждаться демократические элементы социалистического самоуправления.

Чтобы негативные явления не сказались впоследствии на складывающейся системе кооперации, надо уже сейчас предпринять меры по нейтрализации проявившихся нежелательных тенденций. В этих условиях особую остроту приобретают проблема выработки целостной экономической политики, приведение в действие всех факторов ускорения кооперативного движения. Возрастание вклада системы кооперации в насыщение внутреннего рынка прямо и непосредственно будет зависеть от эффективности решений в области материально-технического снабжения кооперативного производства, нормализации финансово-кредитных отношений, выбора рациональных направлений распространения кооперативной деятельности.

Оценка отраслевой структуры и общих тенденций в развитии системы кооперации показывает, что, во-первых, кооперативное движение

проходит ныне начальный этап своего развития. Доля кооперативов в производстве товаров народного потребления и объеме предоставляемых населению услуг равняется по республике 1,4%. По имеющимся же прогнозным оценкам, новый кооперативный сектор в будущем сможет обеспечить в среднем по стране до 25—30% всего производства товаров народного потребления и предоставляемых населению платных услуг. Чтобы достичь такого удельного веса, объем производства товаров и услуг в кооперативном секторе УзССР к 2000 г. должен возрасти по сравнению с настоящим уровнем примерно в 80—100 раз!

Во-вторых, с развитием кооперативного движения усиливается деформация отраслевой структуры складывающейся системы кооперации, связанная с сохранением «остаточного» подхода к потребительскому сектору экономики. Ускоренными темпами создаются кооперативы в производственной и научно-технической инфраструктуре. В свою очередь, в кооперативах потребительской ориентации постоянно возрастают объемы работ, выполняемых по заказам предприятий и организаций. Без кардинального пересмотра условий формирования материально-технической базы, обеспечения сырьем и материалами развитие кооперативов потребительской ориентации будет заметно терять темпы.

В-третьих, кооперативное движение в республике слабо использует резервы диверсификации, распространения кооперации на новые виды и сферы деятельности. Даже в сфере обслуживания населения вне системы кооперации остаются многие виды платных услуг, на которые существует повышенный спрос со стороны населения. Наиболее освоенные кооперативами бытовые услуги составляют лишь 3% всего объема платных услуг, оказываемых населению республики. Поэтому необходимо устранить ограничения на регистрацию кооперативной формы хозяйствования в культуре, здравоохранении, санаторно-курортных, оздоровительных, юридических услугах и т. д. Необходимо способствовать расширению сети кооперативов в новых видах услуг, которые ранее не предоставлялись государственными предприятиями и организациями (информационные, посреднические и др.).

В-четвертых, требует пересмотра применяемый ныне отраслевой принцип создания кооперативов. Сеть новых кооперативов в основном концентрируется в системах отраслевых министерств и ведомств и лишь незначительная часть их функционирует при исполкомах местных Советов и народных депутатов. Прикрепление кооперативов к предприятиям (объединениям) определенной отрасли порождает соответствующие запреты на выходящие за ее пределы виды деятельности. Это препятствует созданию межотраслевых и многопрофильных предприятий, в ряде случаев более эффективных, чем узкоспециализированные производства.

В-пятых, на начальном этапе возрождения кооперативного движения выбор приоритетных направлений в формировании сети кооперативных предприятий практически был передан учредителям кооперативов. С одной стороны, это позволило наиболее полно использовать инициативу и предприимчивость, имеющийся опыт населения в тех или иных видах деятельности. С другой стороны, это обусловило стихийность развития кооперативного движения, преобладание частных интересов над общественными целями и задачами. Отсюда назрела необходимость использовать все экономические рычаги и методы для регулирования процесса включения кооперативов в народнохозяйственный комплекс республики.

О ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ

В докладе «Об Основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» на Съезде народных депутатов СССР Председатель Верховного Совета СССР М. С. Горбачев подчеркнул, что «самым крупным завоеванием перестройки является широко развернувшаяся демократизация государственной и общественной жизни страны»¹. И прежде всего в повестку дня встает «реализация вновь выдвинутого нами исторического лозунга «Власть Советам!»²

Отсюда, вполне естественно, особо повышается значение решений Советов всех уровней, в том числе местных, права и функции, роль и ответственность которых резко возрастают сегодня и тем более в перспективе, в условиях «расширения самоуправленческих начал во всей нашей политической системе»³.

Как сказано в Конституции СССР (ст. 148), «местные Советы народных депутатов принимают решения в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Союза ССР, союзной и автономной республики. Решения местных Советов обязательны для исполнения всеми расположенными на территории Совета предприятиями, учреждениями и организациями, а также должностными лицами и гражданами».

Проблема решений местных Советов — сложная и многоплановая. Она нуждается во всесторонней научной разработке, поскольку принятие решения местным органом власти — один из важнейших этапов его деятельности, венчающий в известном смысле его работу в процессе подготовки и проведения сессий, подготовительной и контрольной деятельности постоянных комиссий и депутатских групп, депутатской работы в избирательных округах и в трудовых коллективах.

Вопросам природы и специфики характера решений органов власти и управления посвящен ряд монографических исследований⁴. В литературе справедливо отмечается, что жизнь выдвигает «в число актуальных проблем науки советского строительства более глубокое теоретическое осмысление процесса принятия решений в местных Советах и их органах, разработку необходимых рекомендаций для практики»⁵. Г. В. Барабашев и К. Ф. Шеремет пишут: «...Проблема теоретического осмысления процесса принятия решений в системе местных Советов становится весьма актуальной, главным образом, по двум причинам: во-первых, в связи с существенным расширением сферы деятельности местных Советов, появлением у них качественно новых задач и полномочий; во-вторых, в силу общего повышения требований к уровню государственной деятельности, особенно управления и планирования, необходимости полного использования предоставленных местным Советам и их органам полномочий»⁶.

К сказанному можно добавить следующее. В условиях перестройки серьезно видоизменилась роль Советов, расширились их функции и полномочия, значительно повысились требования к принимаемым

¹ Правда. 1989. 31 мая.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См., напр.: Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М., 1972; Васильев Р. Ф. Правовые акты местных Советов. М., 1975; Принятие решений местными органами власти и управления. М., 1983; и др.

⁵ См.: Принятие решений местными органами власти и управления. С. 4.

⁶ Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф. Процесс принятия решений местными Советами народных депутатов (Теоретические вопросы)//Принятие решений местными органами власти и управления. С. 7.

ими решениям. Их выработка и принятие немыслимы без гласности, которую партия рассматривает как важнейшую предпосылку широкого привлечения граждан к управлению, коллективного анализа положения дел на местах, обеспечения демократизации всего процесса выработки, принятия и осуществления решений органами власти и управления⁷. Таким образом, демократизация процесса принятия и осуществления решений местных Советов являются непременным элементом, важнейшим условием научно организованной деятельности местных органов власти и управления.

Вместе с тем имеется ряд специфических условий и требований, которые выработаны законодательством и наукой управления и которые предъявляются к самому процессу подготовки, принятия и осуществления решений местных Советов. Вопрос об этих требованиях рассматривается несколько ниже.

Правильное, научно обоснованное понимание сущности и характера решений возможно с учетом достижений философской науки, глубокого анализа трудов основоположников марксизма-ленинизма. Ключ к пониманию сути государственных решений в условиях перестройки и расширяющегося демократизма дает положение Ф. Энгельса, высказанное в «Анти Дюринге»: «Гегель первый правильно представил соотношение свободы и необходимости. Для него свобода есть познание необходимости. «Слепа (подчеркнул Ф. Энгельс приведенную в работе гегелевскую цитату) необходимость, *лишь поскольку она непонята*». Далее следует вывод: «Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»⁸.

Отправляясь от этого исходного марксистско-ленинского философского вывода, и следует подходить к анализу сущности и характера решений, принимаемых местными представительными органами власти. Эти решения в самом широком смысле должны базироваться на глубоко научном анализе обстановки, условий, места и времени решаемых местным Советом задач и осуществляемых им полномочий; отличаться экономической обоснованностью; учитывать реальные возможности использования сырьевых, трудовых и иных материальных ресурсов и средств; быть свободными от влияния субъективизма, произвольных и односторонних решений; иметь в достаточной мере организованное обеспечение.

Кроме этих общих требований и критериев, следует учесть и другие, более специализированные требования: строгое и неуклонное соблюдение социалистической законности, информационное обеспечение подготовки и принятия решений, конкретность, целесообразность, четкость и краткость сформулированных в решениях правовых и иных предписаний и рекомендаций, обеспечение эффективности, действенности принятых решений и др. Разумеется, перечень таких требований может быть расширен. Мы отметили здесь лишь те из них, которые, на наш взгляд, являются непременными, в известной мере основополагающими, без учета которых не может обойтись ни один местный Совет, подготавливая и принимая решение по тому или иному крупному вопросу государственного, хозяйственного или социально-культурного строительства.

Значительный научно-практический интерес в свете анализируемой проблемы представляют соображения и выводы, высказанные профессорами Г. В. Барабашевым и К. Ф. Шереметом, Ю. А. Тихомировым. По мнению Г. В. Барабашева и К. Ф. Шеремета, проблемы совершенствования процедуры выработки и принятия решений мест-

⁷ См.: постановление ЦК КПСС «О гласности в работе партийных, профсоюзных организаций и советских органов Владимирской области»//Правда. 1987, 11 нояб.

⁸ Маркс К, и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.

ных Советов требуют необходимой типологии решений на основе имеющейся практики. Ссылаясь на книгу «Система городского управления» (Л., 1980), они предлагают выделить три основных типа решений местных Советов и их органов. Во-первых, решения, принимаемые в проблемных стадиях и требующие значительных разработок, исследований. В этих случаях необходимы всестороннее изучение ситуации, разработка вариантов, комплексный подход к формированию всех элементов решения. К таким решениям относятся перспективные и годовые планы экономического и социального развития территорий, планы развития отдельных отраслей местного хозяйства, социально-культурного строительства и т. п. Такие решения всегда рассчитаны на долговременную реализацию. Во-вторых,— решения, в основном базирующиеся на опробованных приемах, методах, технологии, разработке отдельных вопросов и лишь отчасти требующие каких-то исследований для своего обоснования. Это могут быть решения, например, о текущих задачах развития инфраструктуры в соответствии с имеющимися нормативами и др. В-третьих,— решения, принимаемые с более или менее устойчивой регулярностью в связи с повторяющимися из года в год событиями (подготовка к зиме, организация отдыха детей и т. п.) или в связи с разрешением конкретных вопросов, предусмотренных законодательством (назначение пенсий, предоставление жилплощади и т. п.).

Рассмотренные типы решений основаны на выявлении их общих характерных черт, связанных с содержанием, а отсюда и особенностями их подготовки. При изучении процесса принятия решений Советами и их органами целесообразно обратиться к методу моделирования, отражающего субъективную и объективную сторону данного процесса. Возможно выделение моделей трех видов: общая идеальная модель; конкретные организационно-технологические модели; реальные модели.

Идеальная модель не описана в литературе, хотя она всегда имеется в виду как некий образ, предпосылка, которая предшествует разработке организационно-технологических моделей. Ее наиболее существенные требования состоят в том, что решение:

- а) вызвано объективными социально-экономическими потребностями;
- б) соответствует планам экономического и социального развития или вытекает из них;
- в) принимается на основе достаточно полной и объективной информации;
- г) принимается лицами, обладающими необходимой юридической и фактической компетентностью и с соблюдением всех установленных процедур;
- д) является оптимальным для данных условий, что гарантируется в большинстве случаев разработкой альтернатив;
- е) принимается своевременно;
- ж) выполнимо и полностью реализуется с получением задуманного при принятии решения эффекта.

Общая идеальная модель служит основой для формирования конкретных организационно-технологических моделей, которые учитывают особенности органа, принимающего решение (Совет, исполком, отдел или управление), равно как и тип самого решения. Организационно-технологические модели могут в своих основных чертах закрепляться в законах и регламентах (например, основные правила принятия решений Советами и исполкомами). Организационно-технологическая модель отличается от идеальной не только формализацией процесса принятия решений, но и наличием в ней таких требований и правил, которые должны обеспечить учет реальных условий, фактическое те-

чение управленческого процесса. Невозможно разработать во всех деталях организационно-технологические модели даже для всех типичных случаев. Чрезмерная формализация процесса разработки решения путем всесторонней правовой регламентации может привести не к учету реальной ситуации, а к противоположным результатам.

Неизбежное изменение условий функционирования местного Совета всегда ведет к тому, что не только идеальная модель, но и сложившиеся материально-технические разработки моделей реализуются с некоторыми отклонениями. Это может быть вызвано пробелами в правовом регулировании, учетом нового опыта, изменившимися условиями и т. п. Понятие реальной модели как фактически реализуемой в каждом конкретном случае или для группы сходных ситуаций помогает омыслению процесса принятия решений, его совершенствованию. Например, реальные модели разработки проекта плана экономического и социального развития на уровне города отличаются друг от друга в разных городах, несмотря на наличие единых методик, поскольку размеры городов, структура подведомственного и неподведомственного им хозяйства имеют существенные отличия. Отступления от организационно-технологических моделей возможны лишь при наличии действительной необходимости. Принципиально важно при этом сохранение и реальной модели всех этапов процесса принятия решений, т. е. определение целей, анализ проблемы, оценка информации, разработка проектов, выбор оптимального решения, неукоснительное соблюдение при его формировании и реализации критериев управленческой эффективности, требований социалистического демократизма.

Проф. Ю. А. Тихомиров еще в 1972 г. сформулировал ряд важнейших требований, условий оптимальности принятия и осуществления управленческих решений, к которым он относит правовые акты представительных органов⁹.

Для Ю. А. Тихомирова характерен более широкий подход к анализируемой проблеме, хотя во многих, наиболее существенных моментах позиции Г. В. Барабашева, К. Ф. Шеремета и Ю. А. Тихомирова совпадают. В частности, Ю. А. Тихомиров, основываясь частично на ранее проведенных исследованиях и разработках, к числу условий оптимальности управленческих решений относит: компетентность субъектов, принимающих и реализующих решения; обеспеченность решения информацией; обоснованный выбор проблемы цели и средств ее достижения; своевременность, уникальность и соподчиненность решений¹⁰.

Рассмотрим подробнее некоторые из требований, предъявляемых к подготовке и принятию решений местных Советов. Прежде всего — строгое и неуклонное соблюдение законности. Конституция СССР, Конституции союзных и автономных республик предусматривают: «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности...» В ст. 146 Конституции СССР сказано: «Местные Советы... обеспечивают соблюдение законов...»; в ст. 148 говорится, что местные Советы «принимают решения в пределах полномочий, предоставленных им законодательством Союза ССР, союзной и автономной республики». Стало быть, можно, говоря о законности, подчеркнуть два существенных момента: во-первых, местные Советы действуют на основе принципа законности и сами обеспечивают соблюдение законов; во-вторых, конституции устанавливают, что решения местных Советов принимаются в пределах предоставленных полномочий, что также направлено на укрепление законности в деятельности местных органов власти.

⁹ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 34, 43.

¹⁰ См. подробнее там же. С. 76—140.

Законодательство о местных Советах более конкретно и детальнее регламентирует вопросы принятия решений органами власти. Так, Законом об областном Совете народных депутатов Узбекской ССР предусмотрено, что решения принимаются открытым голосованием большинством от общего числа депутатов областного Совета и подписываются председателем и секретарем исполнительного комитета Совета. Содержащиеся в решениях предложения и рекомендации в адрес расположенных на территории области предприятий, учреждений и организаций должны быть рассмотрены руководителями этих организаций и результаты рассмотрения сообщены Совету или его исполнительному комитету не позднее чем в двухнедельный срок.

В целом, однако, можно сказать, что вопросы подготовки и принятия решений местных Советом пока что урегулированы явно неполно, недостаточно в действующем законодательстве о местных Советах. Не восполняют этот пробел и Регламенты местных Советов, хотя в некоторых из них содержатся интересные и полезные предложения, например по вопросам подготовки проектов решений местных Советов. Так, в Регламенте Московского городского Совета (ст. 58) предусмотрено, что исполком городского Совета «организует предварительное обсуждение проектов решений городского Совета по важнейшим вопросам на собраниях трудовых коллективов и по месту жительства граждан». Регламентом работы Кировского районного Совета г. Ташкента предусмотрено, что проекты решений районного Совета об утверждении плана экономического и социального развития, бюджета района, а также сводный отчет о выполнении плана экономического и социального развития за текущий год, отчеты о работе исполнительного комитета районного Совета и по другим, наиболее важным вопросам хозяйственного и социально-культурного строительства публикуются в печати или обнародуются иным путем с целью широкого обсуждения общественностью, подлежат обязательному рассмотрению соответствующими, а по отчету исполкома районного Совета — всеми постоянными комиссиями районного Совета.

Резюмируя все сказанное, мы считаем целесообразным значительно обновить и конкретизировать Регламенты местных Советов в части подготовки и принятия решений, использовать в этом отношении накопившийся передовой правовой и практический опыт.

Надо сказать, что за последнее время несколько улучшилась практика подготовки и принятия решений местными Советами. Многие важные вопросы теперь предварительно рассматриваются в трудовых коллективах, по месту жительства. Так, в 1987 г. более 17 тыс. трудящихся Навоийской области УзССР приняли участие в обсуждении отчета облисполкома; их критические замечания и предложения были учтены при выработке и принятии решения. В Сырдарьинской области УзССР проекты решений Советов на сессиях заблаговременно публикуются на страницах областных газет, а в Ташкентской — обнародуются тезисы доклада на сессии и т. д.¹¹

Однако во многих случаях местные Советы при подготовке и принятии решений действуют пока по-старинке. Все еще велика вера в магическую силу бумаг и заседаний. Например, в 1986 г. Джизакский городской, Денауский и Кызылтепинский райисполкомы приняли от 350 до 400 решений каждый. Не удивительно, что времени на контроль их исполнения, живую работу с людьми тут не остается. В результате многие решения до исполнителей не доходят, оседая мертвым грузом в канцелярских дебрях. Да и содержание значительной их части сводится к самым общим, абстрактным призывам: «усилить», «улучшить», «обеспечить»¹² и т. п.

¹¹ См.: Советы народных депутатов. 1987. № 10. С. 25.

¹² См. там же. С. 22.

Не удивительно, что многие решения оказываются не только неэффективными, но и просто противоречащими закону. Так, в 1987 г. органами прокуратуры в целом по стране опротестовано более 17 тыс. решений местных Советов, как не соответствующих действующему законодательству¹³. И здесь сказываются недостаточная юридическая проработка проектов решений, низкий уровень их правовой, научной обоснованности.

Научность при принятии решений предполагает строгое соблюдение требований социалистической законности, обязательность выработки и принятия решений в соответствии с предписаниями действующего законодательства. Этой цели служит, в частности, законодательство об административных правонарушениях, в первую очередь Кодексы об административных правонарушениях, принятые в союзных республиках. Так, в соответствии со ст. 6 Кодекса об административных правонарушениях РСФСР, краевые, областные, Московский, Ленинградский городские Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов в пределах, определенных законодательными актами, могут: принимать решения, предусматривающие за их нарушения административную ответственность, по вопросам охраны общественного порядка, если они не урегулированы указанным Кодексом РСФСР, а также по вопросам борьбы со стихийными бедствиями и эпидемиями; устанавливать правила, за нарушение которых наступает административная ответственность по ст. ст. 85, 101, 144, 149 Кодекса РСФСР.

Районные, городские, районные в городах Советы народных депутатов в пределах, определяемых законодательными актами, могут: принимать решения, предусматривающие административную ответственность, по вопросам борьбы со стихийными бедствиями и эпидемиями; устанавливать правила, за нарушение которых наступает административная ответственность по ст. 101 Кодекса об административной ответственности РСФСР.

Существенным элементом научного подхода к подготовке и принятию местными Советами решений является работа с информацией¹⁴. Любое действие местного Совета имеет в своей основе решение. Как заметил А. Берг, «управлять — это значит решать какую-нибудь задачу, чтобы достигнуть цели»¹⁵. М. А. Нагорная правильно отмечает: «Процесс подготовки и принятия решений в местных Советах можно анализировать с точки зрения их экономической обоснованности, организационного обеспечения. Существует организационный аспект: решение — это директивная информация, с помощью которой направляется по определенному руслу работа подчиненных органов, депутатов и должностных лиц; в решениях определяется для них курс действий. Через некоторое время в местных Советах собирают обратную информацию, решение выполняется. Таким образом, постоянно обеспечивается цикл «действие — информация — решение»¹⁶.

Советы, которые, как вновь подчеркнул М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Октября, должны, согласно замыслам партии, полностью оправдать свою роль полномочных и решающих органов¹⁷. Они призваны располагать полной и достоверной информацией, эффективно использовать ее на всех стадиях своей практической дея-

¹³ Известия. 1987. 27 дек.

¹⁴ См.: Нагорная М. А. Информация в практике работы местных Советов. М., 1986. С. 63.

¹⁵ Берг А. Кибернетика и научно-технический прогресс//Новое время. 1971. № 2. С. 44.

¹⁶ Нагорная М. А. Указ. соч. С. 63—64.

¹⁷ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается//Правда. 1987. 3 нояб.

тельности, в частности в процессе подготовки и принятия решений. В ходе подготовки проектов решений местных Советов требуются использование статистической информации, анкетирования советских работников и граждан, экономической информации, а также данных и сведений социально-культурного, политического, правового, научно-технического и организационного содержания, тесного личного общения депутатов и советских работников, что обогащает составляемые проекты решений местных Советов достоверной информацией о состоянии дел на том или ином участке, объекте. Как правильно отмечено в литературе, беседы с избирателями и анкетные опросы среди населения дают составителям проектов решений сведения, которые трудно найти в документах, всевозможных официальных справках. За короткое время с их помощью можно получить истинное представление о том, как работает, скажем, служба быта, что сдерживает темпы жилищного строительства и т. п.

Таким образом, подготовка проекта решения в любом Совете имеет определенную «технология» — закономерную последовательность операций по определению цели решения, изучению проблемы с самых разнообразных позиций — с точки зрения теории вопроса, политики, права и практики. Вся указанная деятельность совершенно необходима для выработки обоснованного, конкретного и соответствующего законодательным актам проекта решения¹⁸.

Не менее важно использование всесторонней информации в ходе принятия решения местным Советом. Депутаты анализируют проект решения, слушая доклад, содоклад, выступления, вопросы к докладчику и содокладчику, ответы на них. Качество, уровень доклада и содоклада во многом определяют эффективность, целенаправленность, обоснованность и конкретность решений.

Научный подход к принятию решений местных Советов предполагает, что нужны не формально составленные доклады, а доклады-размышления, сообщения на сессиях аналитического характера с постановкой проблем, с глубокой критикой, интересными, злободневными обобщениями, которые призваны служить отправным пунктом подлинно деловых, компетентных решений, максимально адекватно отражать реальное состояние дел, соотношение между передовым опытом и недостатками, промахами и недоработками, их причинами и характером намечаемых мер.

Чтобы решения местных Советов соответствовали своему назначению, были действительно конкретным руководством к действию, необходимо, во-первых, чтобы они были направлены на обеспечение единства действий тех, от кого в большей или меньшей степени зависит разрешение жизненно важной для населения, трудовых коллективов проблемы. Решение должно влиять на повседневную практику местных Советов и их органов, давать им курс действий на относительно длительный период. Во-вторых, чтобы принимаемые решения в большей мере определяли управленческую деятельность советских органов, они должны готовиться только в случаях, действительно требующих управляющего воздействия на объекты, подведомственные местным Советам. В-третьих, творческий характер разработки решений не исключает возможности проследить этот процесс по этапам. В частности, работа по подготовке и принятию решения должна быть последовательной и планомерной процедурой сбора, обработки и использования информации. В-четвертых, чтобы решение было обоснованным и исполнимым, его составители должны обладать информацией о существе проблемы, целях и средствах ее достижения. В-пятых, усложнение задач, стоящих перед местными Советами, требует, чтобы к под

¹⁸ См.: Нагорная М. А. Указ. соч. С. 66—68.

готовке решений широко привлекались депутаты, специалисты соответствующих отраслей знаний, учитывалось общественное мнение и использовались современные научные методы сбора и обработки информации (анкетные опросы, статистический и сравнительный анализы и др.)¹⁹.

Важное значение в подготовке и принятии научно обоснованных решений местных Советов (в первую очередь, планов экономического и социального развития) имеет институт обсуждения гражданами проектов решений Советов. Это в сущности конституционный институт. В Конституции СССР 1977 г. предусмотрено: «...Наиболее важные вопросы государственной жизни выносятся на всенародное обсуждение...» (ст. 5); «...трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел...» (ст. 8); «граждане СССР имеют право участвовать... в обсуждении и принятии законов и решений общегосударственного и местного значения» (ст. 48).

Как правильно отмечается в литературе, развитие института обсуждения проектов решений предопределяется политическими мотивами, ибо обсуждения затрагивают существенную сторону властеотношения: они гарантируют подконтрольность избранных органов государства народу; граждане получают возможность высказаться, принять участие в решении государственных и общественных дел. Тем самым проводятся в жизнь идеи социалистического самоуправления народа, расширяется гласность и обеспечивается учет общественного мнения в работе Советов, формируется политическая культура членов общества.

Весьма важен и правовой аспект рассматриваемой проблемы. Демократическое обсуждение проектов решений выступает как особая стадия нормотворческого процесса²⁰, с помощью которой полнее согласуются интересы и воля трудящихся. Выработанный путем широкого обсуждения акт впитывает в себя все ценное, что накоплено общественным правосознанием, становится лучше и понятнее, а заключенные в нем предписания будут осуществляться более целенаправленно и заинтересованно²¹. В этих условиях интенсивнее происходит правовое воспитание граждан, создаются предпосылки для эффективного контроля за исполнением вводимых правил. Важность обсуждений диктуется также явлениями социально-психологического порядка. Обращение к людям за советом, систематический учет их мнения характеризуют именно социалистический тип властеотношений.

На наш взгляд, все это будет способствовать совершенствованию практики подготовки, обсуждения и принятия решений местных Советов, призванных всей своей деятельностью внести активный вклад в перестройку.

¹⁹ См. там же. С. 70—71.

²⁰ См.: Правотворчество в СССР. М., 1974. С. 184—187; Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982. С. 183.

²¹ См.: Нашиц А. Правотворчество: теория и законодательная техника. М., 1974. С. 94—95, 231—232; Васильев Р. Ф. Правовые акты местных Советов. С. 25.

Р. М. САИБОВ

ДИАЛЕКТИКА АКТИВНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Диалектика активности и адекватности познания находит свое наиболее полное проявление в познании социальных явлений и законов. Социальная форма движения материи представляет собой диалектическое единство субъекта и объекта. В процессе социального познания человек познает самое себя, и это обстоятельство коренным образом отличает данную форму познания от познания природы. Это коренное отличие проявляет себя прежде всего в том, что познание в социальной сфере реальности носит ярко выраженный, непосредственно влияющий на адекватность отражения классовый, партийный характер. Отмечая это, В. И. Ленин писал, что «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе»¹.

Познает социальные процессы не абстрактный субъект, а человек, принадлежащий к определенному классу, находящийся под влиянием определенного мировоззрения, выделенный стремлениями, интересами, желаниями. «...В истории общества,— отмечал Ф. Энгельс,— действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели»².

Таким образом, важнейшим принципом марксистской гносеологии является утверждение о том, что нет и не может быть познания, особенно социального, свободного от оценки, определяемой классовой позицией. Объективное и адекватное познание предполагает не ликвидацию, устранение партийного, целостного, ориентированного подхода, а, напротив, точное и ясное понимание его роли и места в системе познавательного процесса. Как справедливо отмечает В. С. Швырёв, «объективность познания состоит в том, чтобы не подменять эмоциональными, нравственными и прочими ценностями критерий научного исследования, с четким логическим анализом исследуемых предпосылок, с последовательностью их критической проверки и т. д.— со всем тем, что составляет суть научного метода мышления»³.

Признавая объективной реальностью существующий независимо от сознания мир и признавая цель и смысл жизнедеятельности только в нем, внутри этого, посягающего на мир, материализм с неизбежностью выдвигает требования его преобразования, необходимым условием которого является адекватность познания.

Адекватность познания существенно зависит от двух условий (требований), предъявляемых к познающему субъекту: требование материалистического мировоззрения и требование научного характера исследования.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 305—306.

³ Швырёв В. С. К проблеме специфики социального познания // Вопросы философии. 1972. № 3. С. 125.

Но эти требования, хотя и являются неременным условием адекватности познания, тем не менее не ведут к ней автоматически. Для наиболее полного адекватного познания, т. е. для наиболее верного, полного, точного и глубокого отражения действительности необходим еще ряд условий, важнейшее из которых — уровень развития общественных отношений, определяемый уровнем развития производительных сил. Из истории видно, что материалистическое мировоззрение как сознательно и ясно выраженное отношение к объективной реальности и месту в ней человека возникает лишь тогда, когда появляется классово-антагонистическая общественная формация — рабовладельческий строй. Точно так же экспериментальная наука — наиболее адекватная форма естественнонаучного познания — возникает именно в момент становления и развития капиталистического строя.

Еще более рельефно зависимость адекватности познания от уровня развития общественных отношений можно показать на примере возникновения и развития материалистического понимания истории. В. И. Ленин писал: «До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого в социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые прежде чем сложиться, проходят через сознание людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»⁴.

Выделение производственных отношений в качестве основы для всех общественных явлений и выявление роли классовой борьбы как движущей силы общественного прогресса стали возможны лишь тогда, когда производственные отношения достигли высокой степени развития, когда сформировался рабочий класс.

Как видим, уровень развития общества, степень зрелости общественных отношений являются фактором, во многом определяющим степень адекватности познания, особенно познания общественных явлений. Это определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, человеческое общество, изменяя условия своего существования, изменяет тем самым формы и способы своего познания — чем более высокой ступени достигло общество в своем развитии, тем большая степень адекватности присуща его познавательной деятельности. Ф. Энгельс, подчеркивая связь между изменением общественных отношений и изменением мышления, писал: «...Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»⁵.

Во-вторых, адекватность познания общественных явлений достигается лишь тогда, когда эти явления достигают достаточной формы и степени своего развития, приобретая более или менее определенные, четкие формы, и выясняется их связь с предшествующими явлениями. «Подлинные и в силу этого простейшие взаимосвязи нового со старым, — писал К. Маркс, исследуя общие принципы сознания и познания, — открываются всегда лишь после того, как это новое само приобретает уже завершённую форму...»⁶

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 137.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

⁶ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968. С. 199.

В-третьих, чем прогрессивнее класс, выступающий на историческую арену, тем больше его познавательная и практическая деятельность, являющаяся важным фактором адекватности отражения.

Качественно новую ступень влияния на адекватность познания общественное развитие приобретает в тот момент, когда в недрах капиталистического способа производства формируется класс пролетариата. Пролетариат как наиболее прогрессивный класс общественного развития заинтересован в наиболее адекватном отражении как природной, так и социальной реальности. Как наиболее активный субъект истории он призван решать вопросы, связанные не только с познанием мира, но и с преобразованием его. «Марксизм,— говорил В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий...»⁷

Таким образом, мы выяснили необходимые условия диалектического единства активности субъекта познания и адекватности отражения. Эти условия состоят в следующем: во-первых, адекватность отражения зависит от активности субъекта, направленной на само исследование, ибо субъект тщательно исследует свои предпосылки и требует их соответствия условиям научности; во-вторых, адекватность познания реализуется через активность субъекта, связанную с материалистическим мировоззрением, т. е. такую активность, которая направлена на познание и преобразование объективного мира, существующего вне и независимо от сознания; в-третьих, адекватность тесно связана со степенью зрелости общественных отношений и реализуется через активность наиболее передового, наиболее революционного класса, данной ступени общественного развития.

Следует, однако, подчеркнуть, что адекватное отражение общественных процессов, представленное в теории познания диалектического материализма, не приводит автоматически к получению новых открытий, но выступает основой, на которой должны развиваться активность субъекта познания по конкретному исследованию каждой данной социально-экономической формации, каждой данной закономерности общественного процесса, каждого данного управленческого решения. К. Маркс писал: «...Один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим явлениям и т. д. — может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁸.

В. И. Ленин также неоднократно подчеркивал необходимость конкретного изучения явлений с неперменным учетом их конкретной исторической формы и связей с другими условиями. Он говорил: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное..., ибо эта теория дает лишь *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»⁹.

Конкретизация методов исследования в социальном познании на основе исторического материализма особенно необходима ввиду того, что в обществе как наиболее сложной форме движения материи действие многих закономерностей осуществляется в скрытом виде, тормо-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 23.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 354.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

зится или усиливается противоположными закономерностями, является равнодействующей многих социальных сил.

Диалектический метод представляет собой не абстрактную схему, а живое, развивающееся учение, основные положения которого конкретизируются, принимая ту или иную форму в зависимости от конкретных исторических условий общественного развития, от особенностей протекания тех или иных процессов и от состояния конкретнаучного знания. В процессе активного познания познавательные возможности диалектического и исторического материализма реализуются через конкретные научные методы, благодаря чему достигается всесторонность изучения предмета и воссоздается адекватный образ действительности.

В социальном познании плодотворно используются такие методы, как метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод моделирования, аналогии, выдвижения гипотез, системно-структурный метод, сравнительно-исторический, социальный эксперимент и др.

Сущность открытого им метода восхождения от абстрактного к конкретному сам К. Маркс охарактеризовал следующим образом: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономике, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население — это абстракция, если я оставлю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например наемного труда, капитала и т. д. ... Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более близких определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности, с многочисленными определениями и отношениями... Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении. Конкретное потому и конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно выступает поэтому как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления»¹⁰.

Изложенный К. Марксом метод восхождения от абстрактного к конкретному есть конкретизация диалектического метода применительно к историческому исследованию. И хотя метод восхождения от абстрактного к конкретному применяется при исследовании любой объективной реальности, он все же имеет особое значение для познания социальных явлений и процессов. Дело здесь в том, что наиболее адекватное познание осуществляется только на основе изучения любого процесса или явления, взятого в динамике, в его истоках и истории. Но социально-исторический процесс представляет собой наиболее динамичную, наиболее подверженную изменениям структуру, состояние которой невозможно понять без выявления его истоков, его причин. А метод восхождения от абстрактного к конкретному как раз и осу-

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 726.

ществляет единство исторического и логического, так как наиболее простые категории выражают, как правило, наиболее ранние исторические явления и процессы. Разъясняя эту мысль, К. Маркс писал: «Более простая категория может выразить собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом смысле ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному... историческому процессу»¹¹.

Таким образом, процесс абстрагирования, выражая собой форму адекватности и активности субъекта познания, приводит к адекватному отражению лишь в том случае, если процесс абстрагирования не является самодовлеющим, а устремлен к конкретному воспроизведению в мышлении исторически конкретного. «...Метод восхождения от абстрактного к конкретному,— писал К. Маркс,— есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»¹².

Исторический метод, тесно связанный с методом восхождения от абстрактного к конкретному, является важным и необходимым элементом адекватного отражения. В процессе познавательной деятельности субъекта исторический метод обретает более глубокое содержание, соединяясь с другими методами. В частности, огромное значение в социальном познании имеет сравнительно-исторический метод, позволяющий раскрыть закономерности развития общественных процессов, разных стран и различных эпох.

Другой конкретизацией исторического метода выступает метод конкретно-исторического анализа общественных процессов. Этот метод имеет чрезвычайно важное значение более всего для социального познания, ибо каждая эпоха, каждая страна на том или ином этапе своего развития имеет уникальные, качественно специфические черты, учет которых неизбежно приводит к неадекватному, ложному пониманию явлений. Критикуя оппортунизм, В. И. Ленин подчеркивал причину заблуждений правого крыла социал-демократов: «Конкретный анализ положения и интересов различных классов должен служить для определения точного значения... истины в ее применении к тому или иному вопросу. Обратный же способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе их,— т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть оплошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»¹³.

Обобщая различные формы исторического метода, В. И. Ленин предельно четко выразил сущность марксистского подхода к общественным явлениям в соответствии с принципом марксизма: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь: (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁴.

Весьма важным методом адекватного познания социальных явлений следует назвать метод аналогии — конкретное проявление сравнительно-исторического метода. Аналогия есть такой метод познания, когда из сходства некоторых признаков двух или более предметов и явлений действительности делается вывод о сходстве других признаков этих предметов и явлений. Объективным основанием для применения

¹¹ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 39.

¹² Там же. Т. 12. С. 727.

¹³ Там же. Т. 3. С. 14.

¹⁴ Там же. Т. 49. С. 329.

метода аналогии служит всеобщая взаимосвязь явлений объективного мира. Всеобщая взаимосвязь явлений приводит к тому, что изменение одного существенного признака неизбежно влечет за собой и изменение других признаков. В исследовании социальных процессов применимость метода аналогии основывается на понимании общественной деятельности как естественно-исторического процесса. В явлениях общественной жизни, как и в природе, имеет место повторяемость процессов в различных культурных и исторических отношениях и общностях, коль скоро имеет место тождественность существенных признаков.

В. И. Ленин часто применял аналогию для разъяснения сути происходящих событий и для научных предвидений. Блестящим примером тому может служить его сравнение Тильзитского и Брестского мира. В. И. Ленин писал: «Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войну Наполеона I с Германией.

Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателями *вдесятеро* более тяжелые и унижительные (чем наш) мирные договора..., а потом *все же* поднимались на восстание и на войну...

Мы заключили Тильзитский мир. Мы придем к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807 года пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш *Тильзитский мир* от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее»¹⁵.

В данном случае предсказание, основанное на аналогии, было, как известно, блестяще подтверждено. Однако следует помнить, что аналогия приводит к адекватным результатам только при постоянном учете всех сторон, всех обстоятельств рассматриваемого процесса в его конкретно-исторических условиях. Без учета конкретно-исторических условий метод аналогии не дает понимания исторических процессов, как это показал К. Маркс.

В социальном познании плодотворно работают и такие методы, как математические, статистические, метод конкретных социальных исследований, моделирование, эксперимент, экстраполяция и т. д. Мы не будем здесь рассматривать их подробно, а только подчеркнем, что их использование приводит к адекватным результатам лишь в том случае, когда полученные с их помощью данные интерпретируются с партийных, материалистических, строго научных позиций.

¹⁵ Там же. Т. 35. С. 419—420.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СОТРУДНИЧЕСТВО УЗБЕКСКОГО И УКРАИНСКОГО НАРОДОВ В РАЗМЕЩЕНИИ И ПУСКЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ (1941—1943)

В годы Великой Отечественной войны с особой силой проявилась сила дружбы и братского сотрудничества между народами СССР, в том числе между узбекским и украинским народами, как в тылу, так и на фронте. «Навязанная нам агрессия была беспощадным экзаменом на жизнеспособность социалистического строя, на крепость многонационального Советского государства, на силу патриотического духа советских людей.— говорил в докладе о 70-летию Великого Октября М. С. Горбачев.— И этот экзамен огнем и мечом был нами выдержан, товарищи!»¹

Сплотившись под руководством партии в единый боевой лагерь, многонациональный советский народ стремился действовать в соответствии с наказом великого В. И. Ленина, который в критические дни гражданской войны писал: «...Раз дело дошло до войны, то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне»². Боевой призыв партии «Все для фронта, все для победы!» стал законом жизни для всех труженников тыла.

Одним из главных итогов войны явилась победа ленинской дружбы народов Советского Союза. Наряду с другими братскими партийными организациями Компартия Узбекистана внесла весомый вклад в дальнейшее укрепление нерушимой дружбы народов нашей страны.

В первые же дни войны ЦК КП(б) Узбекистана дал исчерпывающую установку партийным, общественным организациям, советским и хозяйственным органам относительно неотложных задач политико-воспитательной работы. «Все средства политической агитации и пропаганды,— отметил в своей резолюции V пленум ЦК КП(б)Уз (декабрь 1941 г.),— необходимо направить на повседневное укрепление дружбы народов Советского Союза, являющейся залогом нашей грядущей победы над врагом»³. Естественно, что наибольшие усилия в организаторской и политико-воспитательной работе были направлены на установление делового контакта, сотрудничества и дружбы с трудящимися, прибывавшими из прифронтовых районов, в том числе с Украины.

Только с июля по ноябрь 1941 г. в глубь страны было эвакуировано 1523 промышленных предприятия, в том числе в Узбекистан прибыло около ста крупных промышленных предприятий⁴. Из них более 30 — с Украины. Они разместились в основном в Ташкентской области. Это — Днепропетровский карборундовый завод, Харьковский «Электростанок», Днепропетровский вагоноремонтный, Нижнеднепровский завод «Светофор», Киевский «Трансигнал», кенафная фабрика⁵ и др.; в Самаркандскую область — Одесский и Киевский сахарные заводы, овощно-консервный завод «Серп и Молот», завод вишнякамной кислоты им. Куйбышева⁶ и др.; в Бухарскую область — Харьковский велозавод⁷ и т. д.

ЦК КП(б)Уз и СНК Узбекской ССР уделяли большое внимание размещению и монтажу, а также слаче в эксплуатацию прибывшего энергетического и промышленного оборудования. Для руководства этой важной работой еще 25 августа 1941 г. была создана специальная партийно-правительственная комиссия во главе с первым секретарем ЦК КП(б)Уз У. Юсуповым. Она работала в тесном контакте

¹ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 25.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 117.

³ Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны: Летопись событий. Ч. 5. Ташкент, 1980. С. 41.

⁴ Очерки истории Ташкентской городской партийной организации. Ташкент, 1976. С. 278.

⁵ ПА Ташкентского ОК КПУз, ф. 1, оп. 1, л. 1254, л. 13, 16, 17.

⁶ ПА Самаркандского ОК КПУз, ф. 31, оп. 1, д. 2477, л. 44—45.

⁷ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 29, д. 499, л. 70.

с руководителями фабрик и заводов, партийными комитетами и четко определяла районы размещения эвакуированных предприятий, устанавливала сроки их монтажа и пуска в эксплуатацию с учетом наличия людских и материальных ресурсов.

Размещение эвакуированных предприятий было одной из труднейших задач. В республике не было готовых помещений, комплексного оборудования, не хватало квалифицированных кадров. На первых порах часть поступившего оборудования приходилось размещать под открытым небом, иногда под дождем и снегом. С опозданием прибывало отдельное оборудование, особенно заготовительных и вспомогательных цехов и предприятий. Очень сложным было обеспечение приезжавших рабочих, специалистов, членов их семей жильем и питанием. Многие эвакуированные предприятия нуждались также в срочном доукомплектовании местными кадрами и ускоренной их подготовке.

Для преодоления этих трудностей Коммунистическая партия и правительство Узбекистана провели ряд мероприятий, способствовавших быстрейшему размещению и пуску эвакуированных предприятий. При размещении их учитывались как местные условия, так и наличие идентичных фабрик и заводов. Так, Диспропетровский и Изюмский паровозоремонтные заводы были размещены на территории Ташкентского паровозо-вагоноремонтного завода⁸. На базе Киевского фотоаппаратного завода № 6, Ленинградского «Кинапа» и Одесского завода киноаппаратуры был создан Самаркандский завод киноаппаратуры⁹.

На базе абразивных заводов, эвакуированных из Москвы и Запорожья, был создан Ташкентский карборундовый завод. «Трудное было время,— вспоминают ветераны завода М. А. Варзаков, Г. А. Карнаухов, В. Ф. Редько, А. М. Бердичевский, сестры С. Е. и Б. Е. Вендеровы и многие другие.— Но мы никогда не унывали от работы, не пытались словчить. Во всем первенствовал принцип: надо — значит надо. Грозное время еще более сплотило нас. Мы жили как бы одной семьей. Беду и радость делили вместе. И это помогло нам легче переносить невзгоды, лишения, которые на нас обрушились. Это ведь замечательный урок, который мы все, ветераны, запомнили на всю жизнь»¹⁰.

В общей сложности для размещения эвакуированных предприятий было изыскано 400 тыс. м² и вновь построено 200 тыс. м² производственных площадей. Общий объем капиталовложений, связанных с восстановлением эвакуированных предприятий, составил по республике 450 млн. руб.¹¹

Невиданное по масштабам, темпам и трудностям перебазирование промышленности и людей, осуществленное в самые короткие сроки, показало величайшую организаторскую роль Коммунистической партии, продемонстрировало всему миру образцы самоотверженного трудового героизма советских людей. Практически все, кто мог трудиться, участвовали в эвакуации и восстановлении предприятий. Несмотря на огромные трудности, график ввода в строй того или иного завода строго соблюдался. Все прибывшие промышленные предприятия были введены в строй в рекордно короткие сроки — от одного до шести месяцев.

Одновременно партийная организация республики уделяла большое внимание улучшению и укреплению первичных партийных организаций на перебазированных предприятиях. Этот вопрос обсуждался на пленумах и бюро обкомов и горкомов КП(б)Уз. Так, 8 ноября 1941 г. бюро Ташкентского обкома партии приняло постановление, обязывающее горкомы и райкомы партии в целях быстрейшего завершения монтажа и ввода предприятий на полную мощность обеспечить немедленное взятие на учет всех прибывших коммунистов, создать партийные, профсоюзные и комсомольские организации, оказывать всемерную помощь вновь созданным партийным и общественным организациям в развертывании массово-политической работы¹².

На партийных собраниях коммунисты в первую очередь обсуждали вопросы быстрейшего окончания монтажа, улучшения технологического процесса, борьбы за трудовую дисциплину, организацию социалистического соревнования и выпуск оборонной продукции. При этом вопросы дружбы, братского сотрудничества и взаимопомощи были центральными при обсуждении в парторганизациях самых разнообразных повесток дня.

На примере парторганизации завода им. Фрунзе мы видим, как росла и действовала Коммунистическая партия в те грозные годы в тылу.

Машиностроительный завод им. Фрунзе был эвакуирован в г. Чирчик из г. Суфы в сентябре 1941 г.¹³ По-братски встретил Чирчик украинских машиностроителей. Партийная организация города и горисполком сделали все возможное для обеспече-

⁸ ПА Ташкентского ОК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 1254, л. 17.

⁹ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): В 3-х томах. Т. 1. Ташкент, 1980. С. 116.

¹⁰ Гитлин С. И., Петрова Л. Ташкентский абразивный комбинат. Ташкент, 1987. С. 21.

¹¹ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974. С. 427.

¹² ПА Ташкентского ОК КПУз, ф. 1, оп. 1, д. 1254, л. 7.

¹³ Там же, л. 20.

ния прибывших рабочих и их семей жильем, помогли заводу встать на ноги. 25 сентября 1941 г. состоялось организационное партийное собрание. Избранное бюро возглавило работы по ускоренному монтажу оборудования и подготовке его к эксплуатации. Этот вопрос подробно обсуждался на заседании бюро Чирчикского горкома партии, где было указано, что прибывающее оборудование цехов Сумского завода (механического, котельного, литейного и кузнечного) следует разместить на территории ремонтно-механического завода Чирчикского химкомбината¹⁴.

Восстановление завода шло быстро, люди работали по 12—14 часов в сутки. История сохранила имена тех, кто отличился на монтаже, — это В. Поляков, А. Солюменко, И. Никитин, А. Карлашов, И. Конопленко и др. Да разве можно перечислить всех! Сейчас даже трудно представить себе те условия, в которых люди не просто работали, а стремились сделать лучше и больше, трудились под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!»

С первых же дней работы на новом месте плечом к плечу рядом с русскими, украинцами, белорусами к станкам встали узбеки, таджики, туркмены и др. И уже на сороковой день после прибытия завод дал первую продукцию — детали для боеприпасов. А вскоре был получен приказ ГКО организовать выпуск минометов¹⁵. По его заданию в декабре 1941 г. завод изготовил 450 комплексов труб, казенников, бойков и выпустил полковые минометы¹⁶. Кроме того, завод стал выпускать компрессоры, насосы разной мощности и другую продукцию для заводов, изготовлявших боеприпасы, а также для танковой, авиационной, химической и других отраслей промышленности.

На заседании бюро Чирчикского горкома партии 29 сентября 1941 г. был обсужден вопрос о создании первичной партийной организации коммунистов, прибывших с эвакуированным насосно-компрессорным цехом завода им. Фрунзе¹⁷. К концу 1941 г. на заводе были созданы 4 цеховые парторганизации — в механическом, инструментальном, кузнечном и литейном цехах, а в конце 1943 г. завод имел уже 17 цеховых парторганизаций и 11 партийных групп¹⁸.

Непрерывно рос авторитет партийной организации. В тяжелые военные годы в партию шли самые стойкие, самые мужественные рабочие, стахановцы и ударники. Среди них были, например, электросварщик Г. И. Касьянов, кузнец Н. Аминов, фрезеровщик В. Гарбуз, В. Захидов и др.¹⁹ На протяжении всей войны коммунисты проводили большую идеологическую, политико-массовую работу среди рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Главным во всей агитационно-пропагандистской работе было воспитание чувства патриотизма, братской дружбы народов Советского Союза, ненависти к фашистским захватчикам.

Волнующим событием стало празднование в декабре 1942 г. 25-летия образования Украинской ССР. В связи с этим ЦК КП(б)Уз принял 12 декабря 1942 г. решение ознаменовать 25-летие Украинской ССР целым комплексом мероприятий. В частности, решено было:

1. 23—25 декабря 1942 г. на всех предприятиях и в учреждениях во время обеденных перерывов провести политбеседы по теме:

- а) О ленинской дружбе народов СССР и значении 25-летнего юбилея УССР;
- б) Узбекский народ в Великой Отечественной войне.

2. 26 и 27 декабря на всех предприятиях, в учреждениях, институтах, школах организовать и провести общие торжественные собрания с повесткой дня: «25-летие Украинской ССР».

3. Во всех парткабинетах, клубах организовать выставки, посвященные 25-летию УССР²⁰.

Все эти мероприятия проводились на высоком патриотическом уровне. Коллектив завода горячо поддержал инициативу харьковчан и принял активное участие в создании фонда строительства танковой колонны «За Радянську Україну».

С каждым днем коллектив завода наращивал темпы выпуска фронтовой продукции. Большое внимание уделяла парторганизация строительству ряда новых цехов, из которых пять вошли в эксплуатацию в 1943 г. Количество рабочих и служащих завода на 1 августа 1943 г., в связи с вводом в эксплуатацию новых цехов, увеличилось до 4000 человек. Партийная организация насчитывала в своих рядах 235 коммунистов, из них членов ВКП(б) — 197, кандидатов — 38²¹.

В апреле 1942 г. по инициативе коллективов передовых предприятий в стране развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование за увеличение производства сверхплановой продукции для нужд фронта. Бюро ЦК КП(б)Уз на своем заседании 15 мая 1942 г. наметило конкретные мероприятия по широкому вовлечению в соревнование трудовых коллективов всех отраслей промышленности республики.

¹⁴ ПА УзФИМЛ. ф. 58. оп. 17, л. 712, л. 262.

¹⁵ Там же, д. 315, л. 25.

¹⁶ Там же, л. 712, л. 132.

¹⁷ Там же, л. 306.

¹⁸ ПА Ташкентского ОК КПУз, ф. 1, оп. 2, д. 69, л. 6.

¹⁹ Там же, ф. 345, оп. 1, д. 216, л. 3.

²⁰ Там же, ф. 18, оп. 1, д. 1424, л. 187.

²¹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 69, л. 7.

Коллектив Сумского завода также включился во Всесоюзное социалистическое соревнование. В ходе его со всей силой проявилась творческая инициатива рабочих, широко развернулось движение рационализаторов и изобретателей. На заводе была внедрена и разработана новая схема автоматического включения сварочных аппаратов, исключавшая полностью холостой ход аппаратов в перерывах между горением дуги. В результате по электроплавильной печи было сэкономлено 450 квт-ч²².

Из года в год завод наращивал темпы выпуска фронтальной продукции. В ноябре 1943 г. он стал одним из победителей Всесоюзного социалистического соревнования. Это еще более вдохновило рабочих на новые подвиги во имя окончательной победы над врагом.

Благодаря организаторской деятельности первичных партийных организаций и всех коммунистов в 1943 г. только предприятиями Чирчика путем индивидуально-бригадного ученичества и стахановских школ было подготовлено 3148 рабочих, из них 752 женщины. Повысили свою квалификацию на курсах переподготовки 1638 человек²³. Среди них было немало представителей местных национальностей.

Хотя узбек В. Захидов и его друзья из близлежащих кишлаков еще не знали украинского языка, а пожилой мастер А. И. Симоненко и его земляки только в Чирчике слышали узбекскую речь, они хорошо понимали друг друга. У учителей и учеников была одна цель — дать фронту продукции как можно больше и лучше. Выполнять фронтовые заказы для них было делом чести.

Примеров, показывающих героический труд рабочих и инженерно-технических работников машиностроительного завода им. Фрунзе, очень много. Они свидетельствуют о том, что в те труднейшие годы деятельность первичных парторганизаций трудовых коллективов республики, в том числе завода им. Фрунзе, стала еще активнее, эффективнее, партия стала еще прочнее.

Так партийная организация и правительство Узбекистана, вникая в работу каждого эвакуированного предприятия, своевременно оказывали помощь в их быстрейшем размещении и пуске. Героизм в труде не уступал героизму на фронте. В результате Узбекистан в годы Великой Отечественной войны превратился в один из важных арсеналов Советской Армии. Рабочий класс и колхозное крестьянство, руководимые партийной организацией республики, внесли достойный вклад в общепатриотическую борьбу с фашистской Германией. Всего за годы войны Узбекистан дал фронту 2090 самолетов, 17 342 авиадвигателя, 2318 тыс. авиабомб, миллионы мин, снарядов, гранат и др. Предприятия легкой промышленности и артели промкооперации изготовили для нужд фронта обмундирования, обуви и различных деталей боеприпасов на 443,3 млн. руб.²⁴ Все это наглядно свидетельствует о высоком чувстве патриотизма, интернационализма трудящихся Узбекистана, воспитанных ленинской партией в духе братской дружбы, сотрудничества и взаимопомощи, ставших одним из важнейших факторов нашей Победы.

Пройдут годы и десятилетия, но никогда не померкнет в памяти народной великий подвиг Страны Советов в битве с германским фашизмом и японским милитаризмом. «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», — со всей полнотой раскрыла преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности. Это была Победа созданного великим Лениным Советского государства, самого передового общественного строя, социалистической экономической системы. Великая Отечественная война убедительно продемонстрировала монолитное единство партии и народа, нерушимость союза рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, дружбы и братства народов СССР»²⁵.

М. И. Сулайманова

²² Там же, ф. 369, оп. 1, д. 33, л. 87.

²³ Правда Востока. 1943. 20 июня.

²⁴ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. С. 445.

²⁵ Справочник партийного работника. Вып. 25. М., 1985. С. 415.

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ И ЕГО «КУТАДГУ БИЛИГ»

Тюркоязычная художественная литература XI в. представлена пока единственным дошедшим до нас довольно крупным произведением «Кутадгу билиг» (Благодатное знамение), автором которого был некий Юсуф.

Пока ни в каком источнике не обнаружены сведения о жизни и деятельности Юсуфа. По скудным данным из самой поэмы, он был уроженцем Баласагуна, приступил к сочинению своего произведения в 462 г. х. (1069), ровно через 18 месяцев завершил его в Кашгаре и преподнес правителю. Тот в знак благодарности пожаловал ему титул и сан хас хаджиба — придворного камергера, министра двора, после чего он стал известным по имени и прозвищу — Юсуф Хас Хаджиб. Когда он завершил

свое произведение, ему исполнилось 50 лет. Исходя из всех этих данных, дату рождения Юсуфа можно определить 413 (1022) г. х.

Поэма «Кутадгу билиг» ценна прежде всего как источник изучения истории, формирования и развития литературы и литературных языков тюркоязычных народов. Из нее можно также почерпнуть ценные сведения по истории, этнографии, философии, юриспруденции, медицине, астрономии, географии, математике и многим другим наукам.

В произведении представлена доводная полная картина общественной, материальной и культурной жизни людей, населявших в ту пору огромную территорию тюркского каганата караханидов. В поэме «сквозь поэтическую оболочку, через вуаль иносказаний проглядывает повседневная жизнь людей того времени. В своих поучительных иносказаниях Юсуф мысленно проецирует идеальные образы людей на фон, состоящий из людей, не выдуманных, живых»¹.

Науке известно три списка поэмы: переписанный в 843 (1439) г. х. уйгурским письмом и обнаруженный в Турции экземпляр хранится в Венской Королевской библиотеке (Венский список); найденный в 1896 г. в Каире и переписанный арабским письмом экземпляр хранится в Каире (Каирский список); и, наконец, обнаруженный в 1913 г. в Намангане и переписанный тоже арабским письмом экземпляр хранится в Ташкенте (Наманганский список).

Приход к власти на смену самандам караханидской династии сопровождался коренными изменениями в общественно-политической, культурно-бытовой и социально-экономической жизни страны. Социальные противоречия препятствовали созданию подчиненного единому правлению централизованного государства, к чему стремились верховные правители.

Интересы укрепления государства, необходимость решения социальных проблем, урегулирования общественных отношений, обеспечения благополучия общества занимали умы передовых представителей общества, ученых и мыслителей. Автор поэмы «Кутадгу билиг» был именно таким выдающимся мыслителем своего времени.

«Кутадгу билиг» появился как устав, наставление, воплотившее в себе принципы правления государством, законы и правила общественного уклада, обычая, мораль, нормы поведения членов общества, их обязанности, гражданский долг.

Автор поставил перед собой задачу обобщить все нововведения, пути правления, определить обязанности, нормы поведения каждой прослойки общества, от простого люда до верховного правителя, их роль и место в жизни общества, дать необходимые советы по вопросам общественно-политической, экономической, культурно-бытовой жизни, благоустройства, науки, просвещения, этики, морали, гражданского долга.

Поэма не построена на едином сюжете. Все свои суждения и высказывания по определенному кругу вопросов, касающихся смысла и значения человеческой жизни, Юсуф излагает путем иносказательных повествований, основанных на беседе, споре, полемике четырех основных персонажей, каждый из которых олицетворяет определенную добродетель и достоинство: 1. Кунтюгды (солнце взошло) — царь — справедливость; 2. Айтолды (полнолуние) — визир — счастье; 3. Огдюлмыш (полноразумный) — сын визира — ум; 4. Одгюрмыш (влекущий, трезвый) — родич визира — умеренность.

Идейное содержание поэмы весьма своеобразно и круг затрагиваемых вопросов чрезвычайно широк, они охватывают практически все стороны человеческой деятельности. Это кодекс дидактических умозаключений, добрых советов, увещаний, наравоучений и морали, художественная энциклопедия реальной жизни.

Во взглядах Юсуфа прослеживается влияние учений Фараби, Ибн Сины и Беруни. Он — воинствующий мусульманин. Однако, связывая сотворение мира с внешней, сверхъестественной силой, он вместе с тем признает его материальность, объективные закономерности и, вопреки религиозной догме о непознаваемости мира, пропагандирует познание. По его утверждению, в мире нет ничего, сущность которого не была бы познаваемой. В поэме красной нитью проходит борьба двух настроений: аскетизма, отречения, упадничества и оптимизма, упования, веры — и она завершается в пользу второго.

Юсуф делит всех членов общества на группы по двум принципиальным признакам: 1. По принципу распределения материальных ценностей (богатые, середняки, бедняки); 2. По принципу распределения общественного труда: правители, сановники различного ранга, служители царского двора, простонародье, богослужители, ученые, лекари, закладчики, толкователи снов, астрологи-астрономы, писатели, поэты, земледельцы, купцы, скотоводы, ремесленники, нищие — лишенные всего на свете деклассированные элементы и пр. Автор детально описывает характер, убеждения, нравы, мировоззрение каждой прослойки и предлагает подходить к ним, строго учитывая их особенности.

Юсуф был высокообразованным человеком; он неустанно пропагандирует знание, науку, просвещение, призывает постигать смысл жизни с помощью знания. Наука, знание, по Юсуфу, являются основой всех основ. Благодаря науке человек может

¹ Кононов А. Н. Слово о Юсуфе из Баласагуна и его поэме «Кутадгу билиг» // Советская тюркология. Баку, 1970. № 4. С. 7.

полететь в небо, утверждает он. Высоко ценивший достоинства науки и знания, он горько сетует на ограниченность науки, просвещения его эпохи, жалуется на преобладание невежества и мракобесия, на редкость образованных, ученых людей, на их преследования, сокрушается по поводу ненависти, неприязни со стороны темных сил к людям науки и просвещения, презирает невежду, становящегося препоной, помехой на пути просвещения и образования.

Весьма ценны морально-этические установки произведения. В нем разбираются и определяются масштабы общения, отношения, связи между членами общества и семьей, общечеловеческие нормы поведения и воспитания, общие и частные вопросы выращивания достойных членов общества, формирования настоящего, полноценного человека.

Композиционно-метрические и художественные особенности «Кутадгу билиг» с точки зрения истории и теории литературоведения также представляют немаловажный интерес. Это — поэтическое произведение крупного плана, большого объема, глубокого идейного содержания. Оно состоит из 13 290 стихотворных строк, написано размером мутакариб канонического метра арзу, жанром месневи (рифмованное двустопное), имеются три касиды в форме газели, более 200 дубайта — четверостишия в форме рубаи. Произведение включает в себя 85 крупных глав и составлено строго по традиционным восточным правилам книгосложения. В нем представлены во всем их многообразии все изобразительные и выразительные средства и приемы художественной словесности. В поэме воплощены достижения устной и письменной тюркоязычной литературы той эпохи. Это классический образец тюркской поэтики.

При составлении своего труда Юсуф учитывал все общие и смежные особенности языков народностей и племен, которые в целом впоследствии могли стать общими для единого литературного языка. Он учитывал также практику пользования лексическими единицами и грамматическими правилами, имея при этом в виду не только настоящее, но и будущее состояние литературного языка. Автор вложил огромный труд в систематизацию, развитие и обогащение литературного языка, обеспечение единого произношения и правописания, что, в свою очередь, придало системность фонетическим и грамматическим правилам, общность лексическому богатству и обеспечило стилистическую стройность языка.

Хотя Юсуф решительно осуждал пороки своего общества и ратовал за идеальную жизнь, он тем не менее оставался на позиции словесного сторонника развития, не поднялся, да и не мог подняться до уровня воинствующего поборника реорганизации существующих порядков, не указал и не мог указать правильные, конкретные практические пути преобразования жизненных условий, решительно не разоблачал реакционные силы и существующий режим, стоявшие преградой на пути прогресса.

Таким образом, Юсуф вошел в историю культуры, духовной жизни средневекового Востока как ученый-энциклопедист, прогрессивный мыслитель, выдающийся поэт, с одной стороны, и как выразитель упований феодальной знати, — с другой.

И все же прогрессивные призывы, воззрения, критическая оценка всего аномального и аморального с точки зрения требований общечеловеческого достоинства, высокие идеалы, глубокий интеллект и позитивные универсальные знания выводят Юсуфа в ранг крупного прогрессивного мыслителя своей эпохи.

К. Каримов

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

ДВА НОВЫХ ПУНКТА РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

С момента открытия первого пункта памятников эпохи раннего железа на территории правобережной Амударьи прошло более 40 лет¹. К настоящему времени усилиями археологов Узбекистана лишь в пределах Сурхандарьинской области открыто и исследовано три десятка памятников, содержащих слои раннежелезного века². К ним относятся, в частности, Безымянное поселение на территории г. Термеза и Бабуртепа на правобережье среднего течения р. Кафирниган.

Следы Безымянного поселения в северо-западной части современного Термеза были выявлены при прокладке водопроводных труб под наблюдением авторов этих строк. Для уточнения толщ культурных напластований вдоль траншей нами был заложен стратиграфический шурф, размером 3,70×3,70 м (рис. 1). С уровня I до середины V яруса зафиксирован переложенный гумусный слой. Под ним до середины VI яруса встречается твердый слой земли с угольками. От середины VI яруса

¹ Забелина Н. Н. Раскопки на городище Калой-Мир//Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1957. № 37. С. 296.

² Ртвеладзе Э. В. К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени//Советская археология. 1975. 2. С. 262—266; Его же. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана//Бактрийские древности. Л., 1976. С. 102; Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепа. Ташкент, 1979.

до уровня материка прослеживается зеленоватый слой земли мощностью 50—55 см, где обнаружен комплекс керамических изделий раннежелезного века. Материк выявлен на глубине 3,20 м от дневной поверхности.

В комплексе представлено несколько типов посуды. К их числу принадлежат цилиндрические хумы трех разновидностей венчиков (рис. 1, 3—7), горшки с вытя-

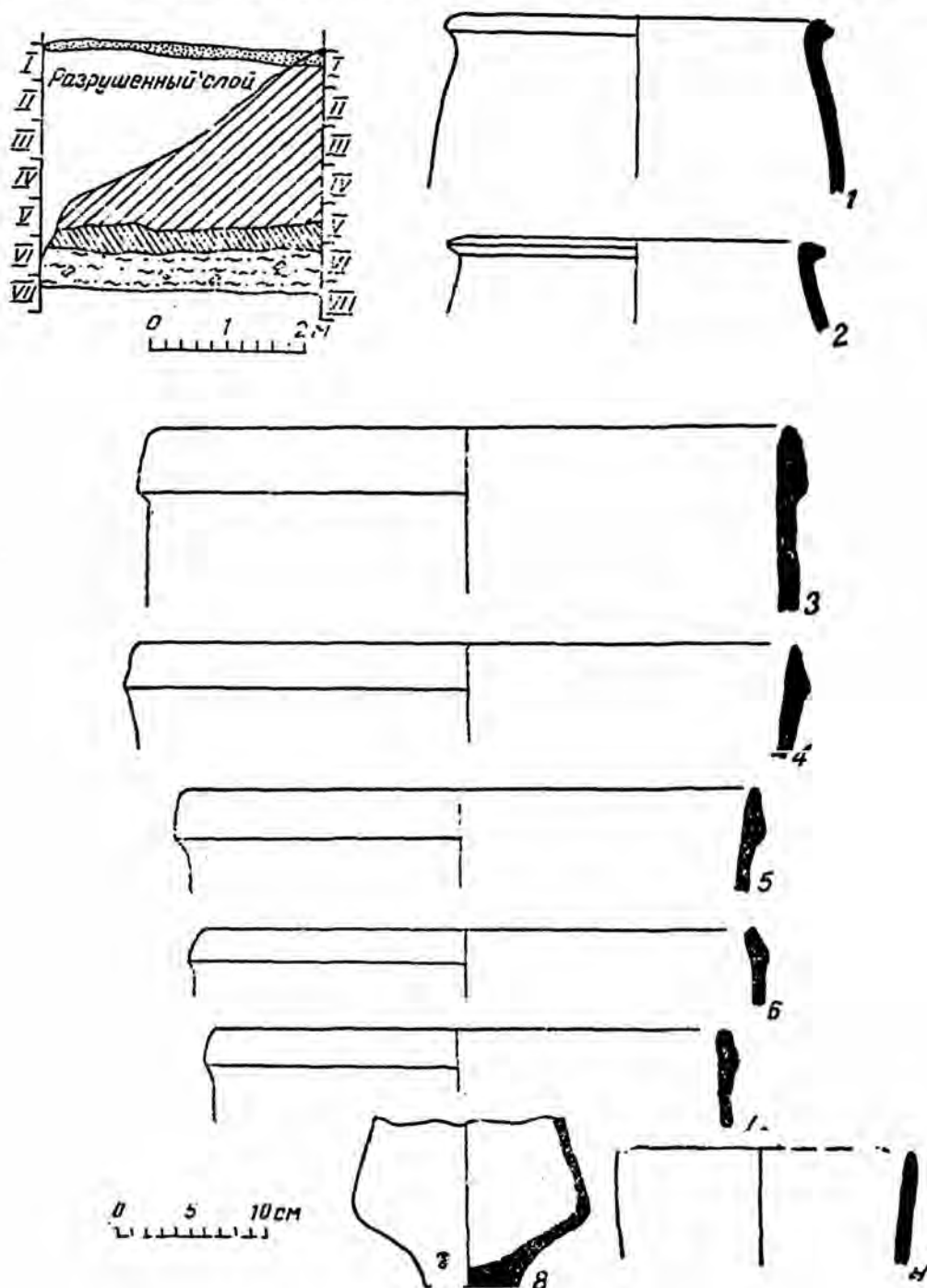

Рис. 1. Безымянное поселение. Развертка шурфа и керамика.

нутым туловом и клювовидным венчиком (рис. 1, 1—2) и цилиндрические банки. Керамический комплекс с Безымянного поселения г. Термеза, в частности цилиндрические хумы и горшки, находят широкое аналогию в древнебактрийских комплексах середины I тыс. до н. э., в том числе из Талашкантепа I³ и верхнего слоя Кучуктепа⁴.

³ Запаров Ш. Х., Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепа I // Бактрийские древности. С. 22.

⁴ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепа. С. 105.

Цилиндро-конические банки в древнебактрийских комплексах обычно отличаются острым ребром, низкой придонной частью и глубоким цилиндрическим туловом. В рассматриваемом комплексе посуда аналогичных форм представлена несколькими признаками: придонный подкос имеет не столь заостренно-ребристую форму.

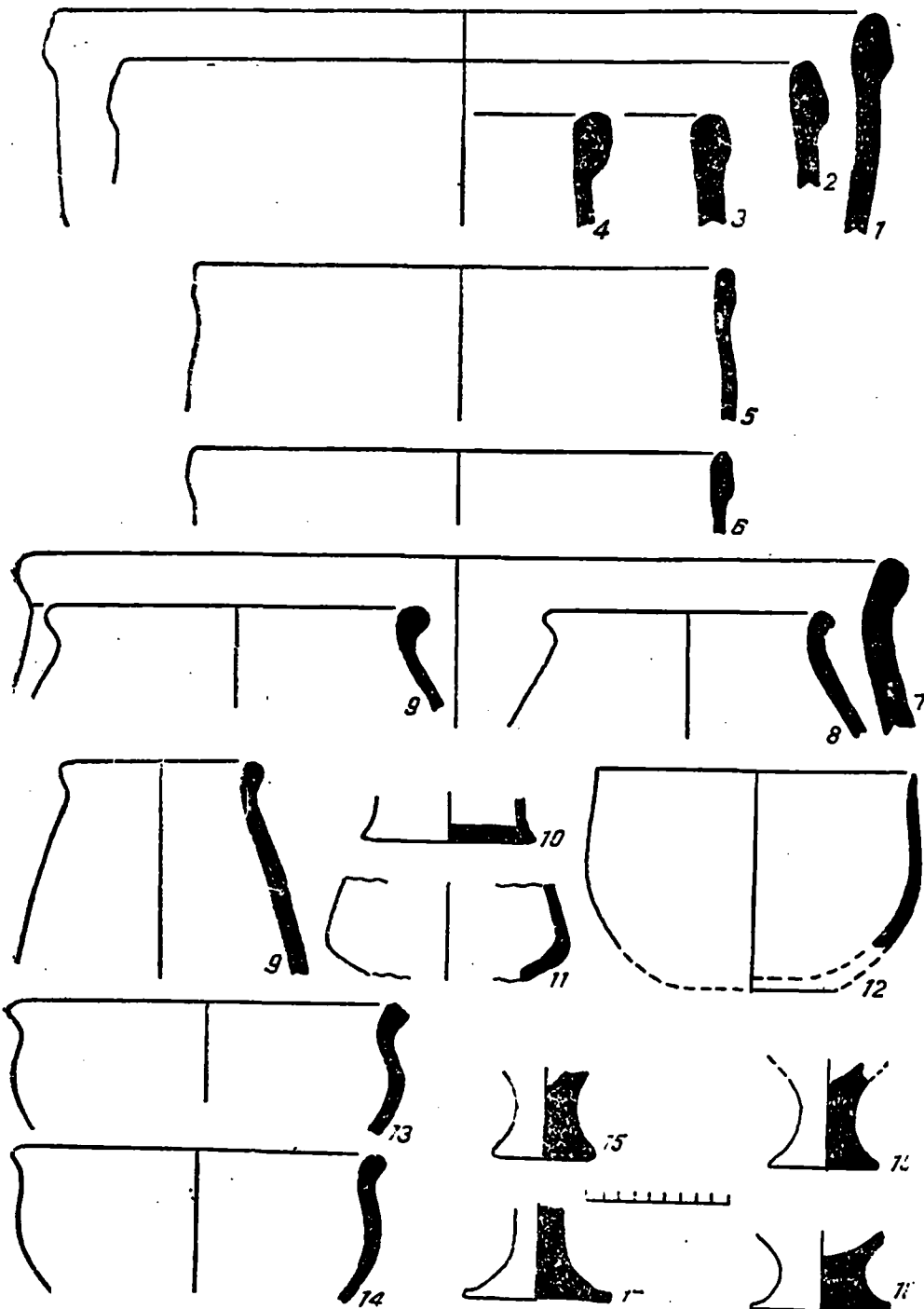

Рис. 2. Керамика из Бабуртепа.

В финальном этапе древнебактрийского периода придонный подкос у баночных сосудов становится более плавным, что может свидетельствовать об эволюции данной формы во времени. Аналогичные формы сосудов были зафиксированы в нижнем слое Ханакатепа, датированном IV—III вв. до н. э.⁵

Исходя из сопоставлений, Безымянное поселение г. Термеза предварительно можно датировать концом V—IV в. до н. э. Обнаружение его имеет важное зна-

⁵ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 37.

чение для изучения обживания некоторых пунктов нижнего течения правобережья Сурхандарьи, ибо из-за отсутствия фактического материала ранее некоторые исследователи считали долину Сурхана вообще не освоенной к середине I тыс. до н. э.⁶

Другой памятник раннежелезного века — Бабуртепа — обнаружен на участке Караукул отделения № 1 совхоза «Бабатаг», на правом берегу р. Кафирниган. Городище в виде холмов, тянувшихся вдоль реки, имеет размеры 450×200 м, высоту — 5—6 м; общая площадь памятника — 9 га.

Ранне городище состояло из двух частей: более древней, южной, которая сейчас полностью сгреблена и занята под посевами хлопчатника, и северной (около 8 га), содержащей материалы IX—XV вв.

Одна из характерных особенностей керамических изделий, собранных с древнейшей части Бабуртепа, — наличие среди них как более ранних керамических форм типа Кучук I, так и более поздних, типа Кучук IV. Преобладают изделия, относящиеся к периоду Кучук IV, в том числе цилиндрические хумы и хумча с манжетовидным венчиком (диаметр 45 см и более, рис. 2), цилиндрические и цилиндрические банки. Цилиндрические банки — одна из характерных черт данного комплекса. Ранне аналогичная форма была известна лишь в слое Нижний Болдай⁷.

В комплексе встречаются горшки с вытянутым туловом и шаровидные. Если первые широко распространены в древнебактрийских комплексах середины I тыс. до н. э., то вторые выявляются впервые и характерны для древнехорезмийских комплексов⁸.

В комплексе имеются также полусферические чаши, кубки и вазы на высокой ножке с плоским основанием.

Керамика из Бабуртепа входит в круг памятников, традиционно уходящих в древневосточную цивилизацию и распространенных в середине I тыс. до н. э. в ряде земледельческих оазисов Бактрии. Тогда, Маргианы, Хорезма, но вместе с тем этот комплекс содержит и керамические формы, не характерные для равнинной и горной Сурхандарьи. К их числу относятся банкообразные сосуды с плоским дном, горшки с шаровидным туловом, вазы и кубки. Все это наводит на мысль о том, что комплекс керамических форм Бабуртепа следует датировать несколько более поздним временем, нежели комплексы периода Кучук IV долины Сурхана, или же указывает на их локальные особенности. Несомненно, дальнейшие исследования Бабуртепа внесут должную ясность в этот вопрос.

Ш. Шайдуллаев, Т. Аннаев

⁶ Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. С. 102.

⁷ Зеймляль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. Вып. X. М. 1971. С. 51.

⁸ Воробьева М. Г. Дингильдже, М., 1973. С. 124. Рис. 36, 8, 17, 25.

ТERRAKOTOVЫЕ СТАТУЭТКИ МУЗЫКАНТОВ ИЗ КАМПЫРТЕПА

С 1982 г. один из отрядов Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы проводит стационарные археологические исследования кушанского поселения Кампыртепа, находящегося близ кишлака Шуроб и поселка Гагарино в Гагаринском районе Сурхандарьинской области. Кампыртепа состоит из цитадели и укрепленной части¹. Ныне одним из утроб этих строк ведутся исследования на цитадели, расположенной в середине южной части крепости. Здесь обнаружено множество произведений мелкой пластики, среди которых и три статуэтки музыкантов, играющих на духовых инструментах: продольной, поперечной и многоствольной флейтах.

Первая статуэтка (рис. 1) — музыкант с продольной флейтой — обнаружена в 1987 г. на верхнем полу помещения 35А в северо-восточном культовом комплексе цитадели, служившем святилищем (с алтарем огня). Статуэтка объемная, выполнена в двойной технике: голова отлита в матрице, а туловище (и инструмент) — лепное. Изготовлена из хорошо отмученной светлой глины. Лицо музыканта, слегка вытянутое, детально проработано. Приподнятые вверх треугольником брови придают глазам особую выразительность. Отходящий от линии бровей прямой тонкий нос заметно поврежден в нижней части. Верхнюю губу прикрывают длинные вислые усы, короткая борода обрамляет подбородок. Уши большие и немного за-

¹ Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыртепе: Исследования и открытия // Вестник древней истории (ВДИ). 1984. № 2. С. 87—106; Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // Общественные науки в Узбекистане (ОНУ). 1984. № 7. С. 39—41; Егю же. Кушанская цитадель Кампыртепа // Тез. докл. советско-французского colloquium «Городская среда и культура Бактрии — Тохаристана и Согды (IV в. до н. э. — VIII в. н. э.)». Самарканд, 25—30 авг. 1986 г. Ташкент, 1986. С. 100—101.

остренные. В правом ухе кольцевидная серьга. Волосы короткой прически переданы мелкими штрихами. На затылке цилиндрическая шапочка с висящим справа украшением в виде перевернутого «грибочка» (возможно, кисточка). Голова прикреплена к короткой шее, переходящей в покатые плечи. Руки согнуты в локтях. Кисти приплюснуты, а пальцы выделены тремя углубленными бороздками. Одна нога отбита, но судя по уцелевшей, они были слегка расставлены. Размеры фигурки: 105×45×27—32 мм.

Музыкальный инструмент представляет собой продольную флейту². Ее грубо вылепленный массивный ствол, достоящий до линии пояса, музыкант придерживает сверху левой рукой у подбородка, снизу — правой рукой на уровне груди. Продольная флейта — инструмент издревле бытовавший у многих народов. В Средней Азии найдены фрагменты костяных флейт еще эпохи бронзы³. Изображения продольных флейт известны по памятникам античного Согда⁴ и Парфии⁵, а теперь, благодаря кампыртепинской находке, и в античной Бактрии⁶.

Рассматриваемая статуэтка имеет черты сходства с некоторыми другими бактрийскими изображениями, в частности с терракотовыми статуэтками музыкантов-обезьян: с бубном (Барат-тепе, I—II вв.)⁷ и двухсторонним барабанчиком (Гиссарская долина, I—III вв.)⁸ Аналогичны туловище, руки, хвост (на кампыртепинской фигурке он отбит). Положение ног и хвоста позволяли устанавливать статуэтку вертикально. Известно, что особенно «со времени Канишки — в пору наиболее интенсивных индо-буддийских культурных воздействий — бактрийские керамисты обращаются к изображению обезьян», и что «обезьяны-музыканты получают широкое распространение и в кушанской коропластике Восточного Туркестана»⁹. Заметим, что среди хотанских терракот Восточного Туркестана есть и обезьяны-музыканты с продольной флейтой, которые датируются несколько более поздним, чем бактрийские, временем — I—III вв. н. э.

Однако прямой и самой близкой аналогией по технике изготовления кампыртепинскому флейтисту является найденная на этой же цитадели в коридоре I, в слоях I—II вв. н. э., полностью лепная скульптура нагого бородатого Силеня с козыми ногами¹⁰. Это сходство допускает возможность их изготовления одним мастером. Тела полностью идентичны, только у флейтиста голова штампованная,

Рис. 1. Музыкант с продольной флейтой.

² Есть также мнение, что это не продольная флейта, а гобоевидный инструмент.

³ См., напр.: Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // История материальной культуры Узбекистана. 8. Ташкент, 1969. С. 56—62; Попандопуло В. Флейта бронзового века // Правда Востока, 1967. 24 сент.

⁴ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977. Табл. V. Рис. 5; Каганатов Ф. М., Мешкерис В. А., Вязго Т. S. Mittelasien / Musikgeschichte in Bildern. Bd. II. Lief. 9. Leipzig, 1987. Abb. 107—112 (Далее: Mittelasien).

⁵ Речь идет об изображении продольной флейты на Ольвийском ритоне II в. н. э. (см.: Mittelasien. Abb. 48). Известно, что области Парфийского царства были тесно связаны с греческими городами северо-восточного побережья Черного моря.

⁶ До сих пор мы располагали изображениями более позднего времени, как, например, на Бартымском кубке (III—VII вв.), найденном на Урале, но, по мнению специалистов, относящемся к культуре Бактрии (См.: Mittelasien. Abb. 87).

⁷ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии: Каменная скульптура и комплекс ритуальных предметов из Миршаде // Из истории

а не лепная. Здесь мы скорее видим опять Силену-музыканта, чей образ нам известен по более ранней бактрийской находке — бронзовой фигурке из Тахти-Сангина, где Марсий—Силен изображен с двойным авлосом (III—II вв. до н. э.)¹¹.

Вторая статуэтка (рис. 2) — поясное изображение музыканта с поперечной флейтой. Обнаружена в 1988 г. на уровне третьего пола, у ямки напольного жертвенного очага, в центре помещения 105 (рядом с которым располагались ямки с золой). Данное помещение входит в трехкомнатную секцию на севере центрального блока цитадели. Судя по уровню залегания и сопровождающим керамическим изделиям (кувшины и чаша), статуэтку можно датировать временем не позднее середины I в. н. э. В отличие от рассмотренной выше эта статуэтка изготовлена полностью оттиском в матрице, в высоком рельефе на плакетке с овальным верхом. Обратная и боковые стороны плакетки обработаны ножом. Размеры сохранившегося фрагмента: 65×50×23 мм, толщина «фона» — 7—8 мм. Статуэтка изготовлена из темно-коричневой глины; на поверхности местами остались следы красного ангоба.

Сохранившаяся верхняя часть статуэтки передает изображение юноши с треу-

Рис. 2. Музыкант с поперечной флейтой.

Рис. 3. Музыкант с многоствольной флейтой.

гольным лицом и короткой стрижкой. Волосы, видимо, зачесаны назад и переданы рельефными параллельными линиями. Уши заострены. Брови и нос соединены в виде Т-образной выпуклости. Глаза — круглые налепы, с едва заметным рельефным зрачком (на уцелевшем правом). Под припухлыми, собранными в узелок губами, музыкант держит, направив вправо от себя, поперечную флейту с небольшим наклоном вниз. Руки согнуты в локтях. Кисть левой руки чуть выше правого плеча, повернута ладонью внутрь. Правая рука отставлена вправо и ее кисть, ладонью наружу, находится по уровню немного ниже кисти левой руки. На правой половине груди видны четыре выпуклые параллельные линии, по всей вероятности передающие складки одежды.

античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 121—122. Рис. 38; *Mittelasien. Abb.* 68.

⁸ Забелина Н. Н. Новые археологические находки из Гиссарской долины//Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР. Вып. 1: Археология. Сталинабад, 1952. С. 25—26. Рис. 2, 3.

⁹ Пугаченкова Г. А. Новые данные... С. 122.

¹⁰ Савчук С. А. Шедевры кушанской империи//Советский Узбекистан. 1987. № 12. Илл. на с. 6.

¹¹ Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросака из храма Окса в Северной Бактрии//ВДИ. 1985. № 4. С. 84—110; *Mittelasien. Abb.* 65.

Поперечная флейта — инструмент более поздний, нежели продольная. Наиболее широкое распространение она получает на рубеже и в первые века н. э., встречается в греко-римском Египте, Этрурии, Индии, Восточном Туркестане. В Средней Азии этот инструмент также известен в кушанское время по афрасиабским терракотам. Однако из-за дефектов статуэток (в большинстве случаев отбита голова) трудно говорить определенно о классическом типе поперечной флейты. Вполне возможно, что афрасиабские инструменты имели специальное приспособление — насадку на вдувное отверстие, представляя собой нечто вроде так называемого монавлоса. Это хорошо прослеживается по фигуркам с целой, неповрежденной верхней частью¹². Эти инструменты определяются обычно как тип окранны или колечатая флейта.

Кампыртептинский образец дает на сегодня наиболее ранний пример поперечной флейты Бактрии и, можно сказать, первый четкий вариант поперечной флейты античной Средней Азии. Позднее изображение этого инструмента предстает на серебряном блюде со сценой пира (Бактрия — Тохаристан, VII в.) с участием двух музыкантов-обезьян, играющих на поперечной флейте и барабанчике в форме песочных часов¹³.

Третья статуэтка (рис. 3) — музыкант с многоствольной флейтой (спринкс или флейта Пана) — обнаружена осенью 1988 г. на цитадели Кампыртепа в помещении 94, служившем кладовой (эта комната располагалась рядом со святилищем — пом. 95). Фигурка оттиснута матрицей на плакетке и изготовлена из красно-коричневой глины, покрытой с двух сторон темно-красным ангобом. У статуэтки полностью отбиты голова и нижняя часть со ступнями ног. Складчатая туника, перехваченная в талии поясом, легким веером спускается до колен. В руках, согнутых в локтях, музыкант держит свой инструмент — флейту Пана. Кисти рук расположены симметрично-параллельно по обе стороны от инструмента, на уровне груди. Размеры данного рельефа: 105×58×5—12 мм.

Стволы флейты скреплены вместе двумя поперечными планками, внешне как бы разделяющими их на три части. В верхней и средней частях четко просматриваются семь стволов, а в нижней — шесть. Трубочки расположены на равном уровне, образуя трапецевидный абрис сверху, а снизу — две первые трубочки короче остальных.

Это — не первая для бактрийского региона находка, изображающая музыканта с флейтой Пана. Ранее на Зартепа были обнаружены обезьяна с спринксом ручной лепки¹⁴ и оттиснутое штампом на плакетке поясное изображение музыканта¹⁵. Интересно совпадение последней находки с кампыртептинской. Они аналогичны в сохранившейся общей части — одежда, инструмент, что допускает возможность изготовления их из одной и той же матрицы. Думается, было справедливым предположение авторов о том, что изготовление матрицы, возможно, относится к более раннему, чем IV—V вв., времени¹⁶. Статуэтка музыканта из Кампыртепа датируется более ранним временем — ориентировочно I в. до н. э. — нач. I в. н. э., но возможно и перетолжение из греко-бактрийских слоев.

Интересное сходство прослеживается и с инструментом в руках одного из сатиров на Бартытском кубке. Спринкс сатира состоит из шести трубочек, расположенных снизу так же, как на кампыртептинском рельефе, на двух уровнях, где две первые трубочки короче остальных четырех¹⁷.

Новые находки значительно расширяют наши представления о музыкальном инструментарии античной Бактрии. Продольная и поперечная флейты впервые появляются в памятниках этой культурно-исторической зоны первых веков н. э. Что касается фигурки музыканта с многоствольной флейтой — это еще одно свидетельство о почитании и довольно широком распространении флейты Пана в Бактрии. Образы музыкантов, их атрибуты, а также место нахождения (в святилище или рядом с ним) говорят о синтезе различных культов, в том числе дионисийского и зороастрийского, где музыке отводилось заметное место.

С. А. Савчук, А. А. Малькеева

¹² Мешкерис В. А. Керамика Согда... С. 29—30. Табл. XXVII. Рис. 38, 40, 42; Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии: Исторические очерки. М., 1980. С. 25—26. Ил. 9, 11; *Mittelasien. Abb.* 113—115.

¹³ *Mittelasien. Abb.* 91, 92.

¹⁴ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 27. Рис. 12; *Mittelasien. Abb.* 67.

¹⁵ Завьялов В. А., Мешкерис В. А. Бактрийский музыкант с флейтой Пана//ОНУ. 1985. № 1. С. 52—55.

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ *Mittelasien. Abb.* 88.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

СВЕДЕНИЯ «КИТАБ АЛ-АНСАБ» САМ'АНИ О ФЕРГАНЕ

Известный среднеазиатский историк, филолог, законовед и генеалог Абу Са'д Абдалкарим ибн Мухаммад ас-Сам'ани (1113—1167) принадлежал к знаменитому роду ученых из Мерва, представителя которого, насчитывавшие несколько поколений,

были известны в основном как историки и филологи. Род Сам'ани владел двумя из десяти знаменитых библиотек Мерва, которые по богатству книг не имели себе равных на всем мусульманском Востоке. Двери этих библиотек были открыты для всех и в их стране занимались ученые со всех концов мусульманского мира.

Сам'ани получил отличное образование и долгие годы путешествовал с научными целями по городам Хорасана, Мавераннахра, Ирака, Сирии и Хиджаза. Из источников известно, что он написал более 50 трудов в области истории, филологии, фикха и др.¹ Большая часть его трудов, к сожалению, до нас не дошла. Среди дошедших до нас сочинений Сам'ани особое место занимает его биографический словарь иносб «Китаб ал-ансаб» («Книга иносб»), который содержит ценные сведения по истории, истории культуры и исторической географии Средней Азии².

Сведениями Сам'ани пользовались многие более поздние средневековые авторы. В частности, его «Китаб ал-ансаб» был одним из главных источников сведений о Хорасане и Мавераннахре известного путешественника и географа XIII в. Абу Абдаллаха Шихабалдина б. Абдаллаха ал-Хамави по прозвищу Йакут (1179—1229) при написании им своего знаменитого географического словаря «Муджам ал-булдан» («Словарь городов»). Следует отметить, что Йакут три года (1216—1219) провел в стенах библиотек семьи Сам'ани в Мерве, был знатоком его трудов и заимствовал из них много сведений. Так, при сравнении сведений «Китаб ал-ансаб» Сам'ани и «Муджам ал-булдан» Йакута нами выявлено, что последний заимствовал у Сам'ани данные о 434 населенных пунктах Средней Азии.

Сведения Сам'ани о Средней Азии ранее привлекались отдельными исследователями. В частности, В. А. Жуковский широко использовал его данные о Мерве и его области³. В. В. Бартольд привлекал его сведения при описании областей Самарканда, Бухары, Насафа и Кеша⁴. При этом оба автора рассматривали данные Сам'ани сравнительно с данными Йакута. Остальные части труда Сам'ани в этом отношении оставались не исследованными. Ниже мы приводим сведения Сам'ани о городах и селениях Ферганы в свете данных Йакута, других средневековых источников и археологических исследований.

Сам'ани описывает Фергану как обширную область на Востоке, за реками Джайхун и Сайхун⁵. Йакут добавляет, что она была расположена на границе с тюрками, в 50 фарсах от Самарканда⁶. Ал-Истахри отмечал, что горы Ферганы богаты полезными ископаемыми: в них добывали золото, серебро, железо, медь, бирюзу, ртуть, уголь и нашатырь, месторождение которого было единственным в Мавераннахре⁷. Ал-Мукаддаси насчитывал в Фергане около 40 больших и малых городов⁸.

Сам'ани называет в Фергане 17 топонимов: 9 городов, 7 селений и I городской квартал.

Столица области — Ахсикас, по данным Сам'ани, был самым красивым и чистым городом Ферганы⁹. Согласно Йакуту, он был расположен на ровной местности между горами, в I фарсах от реки Шана, т. е. Сырдарьи. Город имел цитадель и рабад, окруженные стенами, имевшими по 4 ворот. Внешние ворота выходили к окружавшим город садам. В рабаде было много водоемов и каналов¹⁰. По ал-Мукаддаси, соборная мечеть и большая часть городских построек находились во внутреннем городе, где были расположены цитадель и базары. Этот город был в 1,5 раза больше Рамлы (в Палестине). Он был богатым и отличался прохладным климатом¹¹. В X в. в горах Ахсикаса было много золотых и серебряных рудников¹².

Развалины средневекового Ахсикаса находятся на правом берегу Сырдарьи, у впадения в нее Касанса, около кишлаков Гулкишлак (Эски Ахси) и Шаханд,

¹ Шамсаддин аз-Захаби. Тазкират ал-хуффаз (Памятка об ученых). Хайдарабат, 1955—1956. С. 111—112.

² Подробнее о нем см.: Камалиддинов Ш. «Китаб ал-ансаб» Абу Са'да Абдалкарима ас-Сам'ани как источник по истории культуры Средней Азии//Адабий мерос. 1987. № 2. С. 33—41.

³ Жуковский В. А. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894. С. 35—48.

⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч. Т. I. М., 1963. С. 137—152.

⁵ Абу Са'д Абдалкарим ас-Сам'ани. Китаб ал-ансаб: В 12 томах. Т. 9. Бейрут, 1981. С. 274.

⁶ Абу Абдаллах Йакут ал-Хамави. Муджам ал-булдан: В 8 томах. Т. 6. С. 364.

⁷ Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. Viae regnorum//Bibliotheca geographorum arabicorum (BGA)/Ed. M. J. de Goeje. B. I. Lugduni Batavorum, 1967. P. 334.

⁸ Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim fi ma rifat al-aqalim//BGA. 3. P. 262.

⁹ Сам'ани. Ансаб. Т. I. С. 153.

¹⁰ Йакут. Муджам. Т. I. С. 150.

¹¹ Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim. P. 271.

¹² Hudud al-alam (The regions of the world): a persian geography/Translated and explained by V. Minorsky. London, 1970. P. 116.

в 20 км к юго-западу от Намангана. По археологическим данным, город возник в III в. до н. э.¹³

В другом ферганском городе, Касане, по данным Сам'ани, была неприступная крепость¹⁴. Иакут отмечает, что город находился на границе с владениями тюрков, а у городских ворот протекала река Ахсикаса, т. е. Касансай¹⁵. Согласно ал-Истахри, город имел обширный округ¹⁶. Средневековому Касану соответствует городище с древней крепостью Мугкурган, расположенное около г. Касансая — районного центра Ферганской области УзССР. Город этот на рубеже н. э. был столицей Даваньского царства, а позднее — столицей ферганских ихшидов — домусульманских правителей области¹⁷.

Маргинан Сам'ани называет одним из самых знаменитых городов Ферганы и упоминает один его квартал — Гандаб¹⁸. Иакут повторяет его сведения¹⁹. В других источниках этот квартал не упоминается. Согласно ал-Мукаддаси, Маргинан был небольшим городом с соборной мечетью, которая находилась среди базаров, а у городских ворот протекала река²⁰. Город локализуется на месте современного г. Маргилана. Археологических данных о нем пока нет.

В Фергане Сам'ани упоминает еще город Куба, но ничего о нем не сообщает²¹. Иакут называет его большим городом²². Согласно ал-Истахри, он был вторым по величине (после Ахсикаса) городом Ферганы и имел крепость, рабад, соборную мечеть и базары²³. Ал-Мукаддаси отмечает, что Куба была обширнее, красивее и чище Ахсикаса и вполне могла быть столицей области. В центре города была площадь, а соборная мечеть находилась среди базаров²⁴. Развалины средневекового Куба расположены около современного г. Кува — районного центра Ферганской области. По археологическим данным, город возник в античное время и процветал до XIII в. Он был разрушен и сожжен в ходе монгольского нашествия, а с XIV в. стал небольшим селением²⁵. На городище Старого Кува раскопаны остатки буддийского храма VII в. с большой статуей Будды²⁶.

К Фергане Сам'ани относит еще город Уш (Ош)²⁷. По данным Иакута, он находился недалеко от Кубы и был окружен стеной с 4 воротами, а его цитадель была расположена у подножья горы, на которой был наблюдательный сторожевой пункт для защиты от тюрков²⁸. Согласно ал-Мукаддаси, соборная мечеть города находилась посреди базаров, недалеко от горы. Город был богатым, с изобилием проточных вод. В нем был рабат, куда со всех сторон стекались борцы за веру²⁹. По мнению В. В. Бартольда, этот рабат тождествен с наблюдательным сторожевым пунктом на горе, упомянутым ал-Истахри и Иакутом³⁰. Автор «Хулад ал-алам» называет жителей города воинственными³¹. Средневековый Уш локализуется на месте современного Оша — областного центра Кыргызской ССР.

Сам'ани упоминает еще город тюрков Узканд, или Йузканд³². Иакут приводит также чтение «Узджанд» и отмечает, что он находился в крайних пределах Ферганы, на границе с владениями тюрков, которые приезжали торговать на городские базары. Город был окружен стеной с несколькими воротами³³. Согласно ал-Мукаддаси, рабат его также был окружен стеной, которая имела 4 ворот, а у городских ворот протекала река. Во внутреннем городе были расположены базары, соборная мечеть и цитадель³⁴. По данным «Худуд ал-алам», в окрестностях города протекали две реки, одна из которых называлась Ябагу и текла со стороны Тибета, а вторая — Барсхан и текла со стороны страны Халлук³⁵. Известно, что в XII в. Узканд был

¹³ Анарбаев А. Работы на городище Ахсикент//Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 97.

¹⁴ Сам'ани. Ансаб. Т. 10. С. 320.

¹⁵ Иакут. Му'джам. Т. 7. С. 207.

¹⁶ Al-Istakhrī. Vīae regnorum. P. 334.

¹⁷ Бартольд В. В. Туркестан... С. 219.

¹⁸ Сам'ани. Ансаб. Т. 9. С. 179.

¹⁹ Иакут. Му'джам. Т. 8. С. 27; Т. 7. С. 310.

²⁰ Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim. P. 272.

²¹ Сам'ани. Ансаб. Т. 10. С. 45.

²² Иакут. Му'джам. Т. 7. С. 21.

²³ Al-Istakhrī. Vīae regnorum. P. 333.

²⁴ Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim. P. 272.

²⁵ Ахраров И. Археологические раскопки в шахристане городища Кува//История материальной культуры Узбекистана. Вып. 10. Ташкент, 1973. С. 58—65.

²⁶ Бартольд В. В. Туркестан... С. 215.

²⁷ Сам'ани. Ансаб. Т. 1. С. 386.

²⁸ Иакут. Му'джам. Т. 1. С. 374.

²⁹ Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim. P. 272.

³⁰ Бартольд В. В. Туркестан... С. 212.

³¹ Hudud al-alam. P. 116.

³² Сам'ани. Ансаб. Т. 8. С. 438; Т. 5. С. 49.

³³ Иакут. Му'джам. Т. 1. С. 374; Т. 8. С. 530.

³⁴ Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim. P. 272.

³⁵ Hudud al-alam. P. 116.

крупным торгово-экономическим центром. Его значение было настолько велико, что даже Сырдарья (Карадарья), на берегу которой он находился, в средние века иногда называлась рекой Узканда³⁶. Средневековому Узканду соответствуют развалины городища, расположенные на правом берегу Карадарьи, в 40 км от ж.-д. ст. Карасу, недалеко от современного Узгена — районного центра Ошской области. По археологическим данным, город возник в I в. до н. э.³⁷

В Фергане Сам'ани называет еще город Хайлам³⁸. Иакут к его данным ничего не добавляет³⁹. Согласно ал-Истахри, это был главный город округа Мийан-Рузан, родина саманида Насра б. Ахмада⁴⁰. Автор «Худуд ал-алам» дает чтение «Хатлам»⁴¹, а ал-Мукаддаси — «Хайралам». Он отмечает, что город был большим, в нем была красивая соборная мечеть, которая находилась среди базаров⁴². По данным В. В. Бартольда, округ Мийан-Рузан был расположен в местности между реками Карадарья и Нарын. Позднее эта местность называлась Икки су арасы, что является тюркским переводом Мийан-Рузана и означает «междуречье»⁴³. Город Хайлам локализуется около кишлака Кетменьтубе, расположенного на берегу р. Нарын, которая в средние века также носила название Хайлам⁴⁴.

Хуваканд Сам'ани упоминает без каких-либо характеристик⁴⁵. Иакут к его данным ничего не добавляет⁴⁶. Ал-Истахри дает чтение «Хуваканд» и помещает его в одном переходе от Ахсикаса⁴⁷. Город локализуется на месте современного г. Коканда — районного центра Ферганской области⁴⁸. Археологических данных о нем пока нет.

Худжанд, или Худжанда, по данным Сам'ани, был большим городом на берегу Сайхуна, т. е. Сырдарьи; он был завоеван в 721—722 гг. при халифе Язиде б. Абдалмалике⁴⁹. Иакут отмечает, что он был расположен у подножья горы, а посреди города протекала река⁵⁰. Согласно ал-Истахри, эта река была судоходной и по ней ходили торговые суда⁵¹. По данным «Худуд ал-алам», в его окрестностях было много обрабатываемых земель; среди выращиваемых культур преобладали гранатовые деревья; жители города были мужественными и воинственными людьми⁵².

Худжанд локализуется на месте современного Ленинабада — областного центра Таджикской ССР, который еще в начале XX в. назывался Ходжентом⁵³. Существует мнение, что Худжанд возник на месте античного города Александрии Эсхаты, существовавшего в эпоху Александра Македонского, а возможно и раньше⁵⁴.

В Фергане Сам'ани упоминает 7 селений: Андукан⁵⁵, Газак⁵⁶, Заркан⁵⁷, Иадухкат⁵⁸, Карван⁵⁹, Ламиш⁶⁰ и Нукада⁶¹. Из них Иакут называет без изменений Андукан⁶², Ламиш⁶³, Газак⁶⁴ и Заркан⁶⁵. Что касается Иадухката, то он дает чтение Иадахкат⁶⁶, а Карван и Нукаду не упоминает.

³⁶ Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана//Соч. Т. 3. М., 1965. С. 210.

³⁷ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.; Л., 1950. С. 46.

³⁸ Сам'ани. Ансаб. Т. 5. С. 238.

³⁹ Иакут. Муджам. Т. 3. С. 501.

⁴⁰ Al-Istakhrī. Viae regnorum. P. 334.

⁴¹ Hudud al-alam. P. 116.

⁴² Al-Moqaddasi. Ahsan at-taqasim. P. 272.

⁴³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 212.

⁴⁴ Беленцкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 203.

⁴⁵ Сам'ани. Ансаб. Т. 5. С. 200.

⁴⁶ Иакут. Муджам. Т. 3. С. 480.

⁴⁷ Al-Istakhrī. Viae regnorum. P. 335.

⁴⁸ Бартольд В. В. Туркестан... С. 214.

⁴⁹ Сам'ани. Ансаб. Т. 5. С. 52.

⁵⁰ Иакут. Муджам. Т. 3. С. 402.

⁵¹ Al-Istakhrī. Viae regnorum. P. 333.

⁵² Hudud al-alam. P. 116.

⁵³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 221.

⁵⁴ Негматов Н. Н. Об исследованиях СТАКЭ в 1975 г.//Археологические работы в Таджикистане. Вып. 15. Душанбе, 1981. С. 265—280.

⁵⁵ Сам'ани. Ансаб. Т. 1. С. 364.

⁵⁶ Там же. Т. 9. С. 141.

⁵⁷ Там же. Т. 6. С. 267.

⁵⁸ The Kitāb al-ansab of Abd al-Karīm al-Sam'ani/With an introduction by D. S. Margoliouth. Leiden—London: GMS. Vol. XX. 1912. P. 598b.

⁵⁹ Сам'ани. Ансаб. Т. 10. С. 408.

⁶⁰ The Kitāb al-ansab of al-Sam'ani. P. 595b.

⁶¹ Там же. С. 566.

⁶² Иакут. Муджам. Т. 1. С. 347.

⁶³ Там же. Т. 7. С. 315.

⁶⁴ Там же. Т. 6. С. 288.

⁶⁵ Там же. Т. 4. С. 384.

⁶⁶ Там же. Т. 8. С. 503.

Андукан, по В. В. Бартольд, в качестве селения упоминается во многих средневековых источниках домонгольского периода. Большой город на его месте возник в монгольскую эпоху, во второй половине XII в., при ханах Хайду и Туве. Город был объявлен столицей всей Ферганы и оставался ею вплоть до XVIII в.⁶⁷ Ему соответствует современный г. Андижан — областной центр УзССР. Археологические данные о нем пока отсутствуют. Попутно отметим, что в окрестностях Сарахса, в Хорасане, было еще одно селение с названием Андукан.

Газак ал-Истахри называет городом и причисляет его к Усрушане⁶⁸. С ним отождествляется кишлак Газан-Дарак, расположенный в долине Басманды-су, в 40 км от Ленинабада⁶⁹.

Заркан ал-Мукаддаси приводит в форме Зарқан и отмечает, что он был городом средней величины с соборной мечетью и обильным орошением⁷⁰. С ним отождествляется кишлак Заркент в Ферганской области⁷¹.

Карван, согласно ал-Истахри, был городом с округом и находился в 4 фарсах от Касана. От Ахсикаса до границы округа Карван было 7, а до самого Карвана — 9 фарсахов⁷². Округ Карван локализуется приблизительно в северной части Чустского района Наманганской области УзССР⁷³. Средневековому Карвану соответствует кишлак Карван⁷⁴.

Селение Ламиш в других источниках не упоминается. По данным В. В. Бартольда, оно находилось в местности Иламиш, между Андижаном и Таласом⁷⁵.

Иадухкас (Иадахкат) В. В. Бартольд считал ошибочным написанием Будахкаса — города в Исфиджабе⁷⁶. В других источниках это селение не упоминается. Отметим, что Сам'ани упоминает Будахкас как селение Исфиджаба или Шаша в главе буквы «ба», а Иадухкат — отдельно, в главе буквы «йай». Следовательно, ошибка переписчика здесь исключается. К тому же Сам'ани называет в качестве уроженцев этих селений разных лиц.

Нукада, по-видимому, тождественна с селением Накад, в 7 фарсах к востоку от Кубы, упомянутым ал-Истахри⁷⁷, или с селением Наукад, упомянутым ал-Мукаддаси⁷⁸. Последнее локализуется на месте кишлака Эскн-Наукат, расположенного юго-восточнее Оша⁷⁹.

Таким образом, из всех данных Сам'ани о географических пунктах Ферганы наиболее ценными являются его сведения о квартале Гандаб в Маргинане и о селениях Иадухкат и Ламиш, ибо в других источниках они не упоминаются. Иакут лишь повторяет его данные, ничего к ним не добавляя.

Вольшой интерес представляют сведения Сам'ани о поэтах и филологах Ферганы, с некоторыми из которых он встречался лично. Так, в XII в. в Мерве жили два известных ученых, братья ал-Ахсикаси, которые приехали учиться из Ахсикаса и остались в Мерве до конца своих дней. Братья ал-Ахсикаси были близки к семье Сам'ани и оставили след в традиционно близких этому роду науках — истории и филологии⁸⁰. По словам Иакута, они были несравненными филологами, от которых не было защиты в спорах⁸¹. Старший из них, Абу-л-Вафа Мухаммад б. Мухаммад ал-Ахсикаси (ум. после 1126 г.) был известным лексикологом, искусным поэтом и историком. Сам'ани встречался с ним несколько раз в Мерве, но его лекций не слушал⁸². По данным ас-Суйути, он имел прозвище Зу-л-Манакиб (Достойнейший)⁸³. Х. Халифа упоминает его труд «Китаб ат-та'рих» («Книга истории») ⁸⁴, который до нас не дошел. Других сведений о нем обнаружить не удалось.

⁶⁷ Бартольд В. В. Туркестан... С. 214, 216.

⁶⁸ Al-Istakhrī. *Viae regnorum*. P. 325.

⁶⁹ Бартольд В. В. Туркестан... С. 224.

⁷⁰ Al-Moqaddasi. *Ahsan at-taqasim*. P. 271.

⁷¹ Средневековый город... С. 203.

⁷² Al-Istakhrī. *Viae regnorum*. P. 346—347.

⁷³ Бартольд В. В. Туркестан... С. 219.

⁷⁴ Средневековый город... С. 203.

⁷⁵ Бартольд В. В. Туркестан... С. 215.

⁷⁶ Там же. С. 221.

⁷⁷ Al-Istakhrī. *Viae regnorum*. P. 347.

⁷⁸ Al-Moqaddasi. *Ahsan at-taqasim*. P. 262.

⁷⁹ Средневековый город... С. 203.

⁸⁰ Булгаков П. Г., Вахабова Б. А. Средневековые ученые из Мерва// Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1978. Т. 16. С. 44—52.

⁸¹ The *Irshad al-arib ila ma rifat al-adib* or Dictionary of Learned Men of Yaqut/ Ed. D. S. Margoliouth. Vol. 7. Leiden—London, 1927. P. 128.

⁸² Сам'ани. Ансаб. Т. I. С. 153.

⁸³ Ас-Суйути. *Бугйат ал-ву'ат фи табакат ал-лугавийин ва-н-нухат*. Каир, 1908. С. 100.

⁸⁴ Haji Khalfa. *Lexicon encyclopaedicum et bibliographicum/Primum edidit G. Fluegel*. Vol. 2. Leipzig—London, 1840. P. 160.

Его брат, Абу Рашад Ахмад б. Мухаммад ал-Ахсикаси (ум. ок. 1136), по словам Сам'ани, был превосходным адیبом, красноречивым и искусным поэтом. У него учились многие из известнейших ученых Хорасана. Сам он учился сначала в Ахсикасе у некоего Абу-л-Касима Махмуда б. Мухаммада ал-Ахсикаси, а потом в Мерве под руководством деда Сам'ани Абу-л-Музафара Мансура б. Мухаммада ас-Сам'ани (1035—1096). Абу Са'д Абдалкарим Сам'ани, в свою очередь, был учеником ал-Ахсикаси и изучал у него «Китаб ал-адаб» («Книгу адаба») некоего ал-Халила б. Ахмада, которую тот изучал в Ахсикасе. Сам'ани записал у него также некоторые из его стихов⁸⁵. По данным Ибн ал-Кифти, Ахмад ал-Ахсикаси имел прозвище Зу-л-Фада'ил (Достойнейший). Он служил канцеляристом и занимал должность мурсила в диване сельджукского султана. Из трудов ал-Ахсикаси он называет «Китаб ат-та'рих» («Книга истории») и «Китаб аз-зава'id фи шарх сакт аз-занд» («Дополнение к комментарию поэмы «Искры огнива» Абу-л-Ала ал-Ма'арри») ⁸⁶.

Родом из Кубы был адіб Абу-л-Макарим Ризкаллах б. Мухаммад ал-Кубави (XII в.), который занимался преподавательской деятельностью, обучал детей литературе. Сам'ани встречался с ним в Бухаре, очевидно в 1153 г., и слушал его лекции⁸⁷.

Уроженцем Хуваканда был известный адіб Абу-т-Таййиб Тахир б. Мухаммад ал-Хуваканди ал-Махзуми (ум. в 1107 г.), который жил и умер в Самарканде и был похоронен на кладбище Джакардиза, против мавзолея ас-Садат⁸⁸.

Из Худжанда был другой адіб, Абу Имран Муса б. Абдаллах ал-Худжанди (ум. ок. 970 г.). Превосходный филолог, знаток мудростей и басен, он жил в Самарканде и имел свою медресе, где люди записывали его мудрые изречения и изучали много книг. В Самарканде с ним встречался известный историк Абу Са'д Абдаррахман б. Мухаммад ал-Идриси ал-Астрабази (ум. в 1015 г.) — автор «Истории Самарканда», который знал многие из его изречений со слов других ученых. Он был похоронен в Самарканде⁸⁹.

Родом из Худжанда был известный суфий и поэт Абу Хафс Умар б. Харун ал-Худжанди (XII в.). Он путешествовал по городам Хорасана, Ирана и Хиджаза и обосновался в г. Халаб (Алеппо) в Сирии. Сам'ани встречался с ним сначала в Багдаде, а в 1140 г. в Халабе и записал несколько бейтов его стихов⁹⁰.

Другой уроженец Худжанда, Абу Абдаллах Салман б. Исра'ил ал-Худжанди (X в.) с научными целями путешествовал в Нишапур и Багдад. В Нишапуре с ним встречался ал-Хаким Абу Абдаллах Мухаммад б. Абдаллах ибн ал-Баййи' ан-Найсабури (ум. в 1014 г.), автор «Истории Нишапура», и слушал у него «удивительные известия и рассказы»⁹¹.

Из селения Иадухкат был адіб Абу Мухаммад Абдалхалил б. Абдалмавджуд ал-Иадухкатн ас-Саккак (1042—1105), который жил в Самарканде и был одним из руководителей дома ученых ал-Джузджанийа⁹². К этому дому относился также законовед из Хайлама Хамза б. Али ал-Хайлами, который также жил в Самарканде и умер там 29 ноября 1129 г.⁹³

Житель Маргинана Абу-л-Хасан ал-Маргинани был известным ученым, суфием, искусным и тонким поэтом. Его стихи об аскетизме и мудрости были известны во многих странах⁹⁴.

Кроме них, Сам'ани приводит сведения о многих законооведах, теологах, хадисоведах и других религиозных деятелях, происходивших из городов и селений Ферганы.

Известный интерес представляют сведения Сам'ани о политических и государственных деятелях, выходцах из Ферганы, и данные по истории администрации Ферганы. Так, житель Касана Абу Наср Ахмад б. Сулайман ал-Касани (XI в.) был верховным судьей Самарканда при караханиде Абу Шуджа ал-Хидре б. Ибрахиме (правил в 1080—1089 гг.), а в правление его сына и преемника Ахмадхана б. ал-Хидра (правил в 1089—1095 гг.) был назначен везиром, но был вскоре казнен⁹⁵. Известно, что при караханидах имели место острые противоречия между отдельными правителями и представителями духовенства, что, наряду с другими процессами, привело к падению их династии. В частности, Сам'ани упоминает казнь еще одного крупного религиозного деятеля в Бухаре при хакане Шамс-ал-мулке (правил в

⁸⁵ Сам'ани. Ансаб. Т. I. С. 153.

⁸⁶ Ибн ал-Кифти. Инбах ар-руват ала анбах ан-нухат. Т. I. Каир, 1955. С. 132.

⁸⁷ Сам'ани. Ансаб. Т. 10. С. 45.

⁸⁸ Там же. Т. 5. С. 200.

⁸⁹ Там же. Т. I. С. 53.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. Т. 5. С. 54.

⁹² The Kitab al-ansab of al-Sam'ani. P. 598b.

⁹³ Сам'ани. Ансаб. Т. 5. С. 238.

⁹⁴ The Kitab al-ansab of al-Sam'ani. P. 522a.

⁹⁵ Сам'ани. Ансаб. Т. 10. С. 320.

1068—1080 гг.) за то, что он «побуждал хана исполнять предписания религии и удерживал его от запрещенного»⁹⁶. В других источниках эти сведения не упоминаются.

Из ферганского селения Ламиш происходил Абу Али ал-Хусайн б. Али ал-Ламиш (ум. в 1128 г.). Он был близок ко двору караханидов и «не боялся говорить царям открыто правду». В 1122 г. он приезжал в Багдад послом к халифу ал-Мустаршиду от караханида Мухаммада б. Сулайман-тегина Арслаихана (правил в 1102—1130 гг.). В пути он останавливался в Мерве, где с ним встретился Сам'ани и слушал у него лекцию. Он умер в Самарканде в сентябре 1129 г. и похоронен на кладбище у начала моста Гатфар, около могилы Фариса ал-Багдади⁹⁷.

Из лиц, занимавших в разное время должность верховного судьи Ферганы, Сам'ани называет Абу-л-Касима Убайдаллаха б. Мухаммада ал-Калабази, который занимал эту должность до 966 г. Еще раньше он был верховным судьей в Мерве, Самарканде и Шаше. В 966 г. он был на такой же должности в Бухаре, а в 979 г. был обвинен в мутазилитизме и выслан в Нишапур, где, однако, опять был назначен верховным судьей.

Другой судья, Абу Абдаллах Мухаммад б. Ахмад ал-Хазин ар-Рази (ум. в 970/971 г.) из Хорасана служил канцеляристом в Багдаде, потом вернулся в Хорасан и занимал должность верховного судьи Герата, а затем ведал почтой Самарканды и Ферганы. К концу своей жизни он был назначен верховным судьей Ферганы и умер в этой должности⁹⁸.

Верховным судьей Ферганы был также Абу Наср Мансур б. Мухаммад ал-Харби ал-Мухтасиб ал-Бухари (ум. в 991 г.), который потом был назначен главным мухтасибом Бухары⁹⁹.

Таким образом, «Китаб ал-ансаб» Сам'ани содержит ценные сведения по истории и истории культуры Ферганы домонгольского периода. Особый интерес представляют его сведения о некоторых выходцах из Ферганы: филологах, поэтах, государственных деятелях, — тем более, что многие из них в других источниках не упоминаются.

Ш. С. Камалиддинов

⁹⁶ Там же. Т. 8. С. 77.

⁹⁷ The Kitab al-ansab of al-Sam'ani. P. 595b.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Х. САИДОВ. ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНО ПРАВОВЕДЕНИЕ

(Москва: Наука, 1988. 144 с.)

Опубликованная Издательством «Наука» (Москва) книга канд. юр. наук А. Х. Саидова посвящена актуальным проблемам сравнительного правоведения. Автор на основе изучения обширного материала, большей частью из иностранных источников, исследует понятие сравнительного правоведения, проблемы типологии и классификации правовых систем современности, а также методологические и теоретико-юридические аспекты вопроса. «Предметом настоящей работы, — указывает автор, — являются теоретические проблемы социалистического сравнительного правоведения, исследуемые в первую очередь под углом зрения того, что привнесли в теорию сравнительного правоведения социалистическая и буржуазная компаративистика в последнее столетие, и по преимуществу на материалах «межтипологического» сравнения».

Прежде всего автор анализирует такие понятия, как «сравнение», «сравнительно-правовой метод» и «сравнительное правоведение», с одной стороны, и понятия «правовые системы», «правовая семья» и «правовая карта мира», — с другой (с. 8). На многочисленных примерах показаны многоаспектность и многофункциональность сравнительного правоведения. Характеризуя структуру общей теории права, автор выделяет и вкратце освещает такие ее направления, как философия права, социология права, сравнительное правоведение, теория права, психология права, юридическая техника и т. д. (с. 29).

Затрагивая историю развития советского правоведения, автор справедливо отмечает, что оно начало развиваться не недавно, как утверждают некоторые западные специалисты, а еще в 20—30-х годах, о чем свидетельствуют работы В. Г. Градского, П. Н. Стучко, М. М. Агадского, Е. А. Флейшиц, Л. А. Лунца и др. Особенно большой вклад в развитие советского сравнительного правоведения и в теоретическое осмысление его роли внесли С. Л. Зивс, В. Л. Казимирчук, А. А. Тилле, В. А. Туманов, Г. В. Швеков, М. М. Файзиев и др. (с. 43). Автор не без основания присоединяется к той точке зрения, что теория сравнительно-правового метода в том виде, как она существует сегодня, скорее может быть названа теорией сравнительного законодательства, чем теорией сравнительного правоведения (с. 45).

Одно из центральных мест в книге занимают вопросы марксистско-ленинской типологии и классификация правовых систем современности. Автор различает гло-

бальную типологию, основанную на социально-экономических критериях, и внутритиповую классификацию в рамках глобальной типологии, основанную на юридических критериях.

Глобальная типология правовых систем представляет собой систему из четырех известных человечеству исторических типов права. В рамках ее автор считает возможной и целесообразной классификацию внутритиповую. В качестве примера он приводит (с. 52—53) наиболее характерную классификацию в рамках социалистического права, предложенную венгерским академиком И. Сабо (советское право и право стран народной демократии) и чехословацким академиком В. Кнаппом (гражданское и хозяйственное право, общественная собственность, сфера применения, источники права).

Автор подвергает обстоятельной критике буржуазное учение о правовых семьях, его методологические изъязы, подробно останавливается на особенностях нормативного и функционального сравнения, дает характеристику понятию контрастирующего сравнения и в то же время отмечает позитивные итоги буржуазного сравнительного правоведения.

Вместе с тем книга вызывает и некоторые замечания. Отрадно, что автор привлек большое число источников на иностранных языках. Однако большая часть их издана до 80-х годов. Хотелось бы знать и о течениях и направлениях, получивших развитие в наши дни. Для широкого читателя представило бы интерес освещение такой сложной проблемы, как правовые системы современных мусульманских стран, в частности объяснение такого феномена, как «взрыв» мусульманского фундаментализма в настоящее время.

Хотелось бы также получить больше сведений о сравнении правовых систем социалистического типа. Наконец, автор не затронул опыт государственно-правового развития республик, пришедших к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Сравнительное изучение формирования и развития правовых систем в условиях некапиталистического развития имеет огромное теоретическое, политическое и международное значение. Поэтому будем надеяться, что в последующих своих публикациях автор осветит и эту проблему.

В целом же книга А. Х. Саидова вносит полезный вклад в исследование актуальных проблем советского сравнительного правоведения.

Ш. З. Ураев

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 60-ЛЕТИЮ А. Х. ХИКМАТОВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения известного ученого-экономиста, директора Института экономики АН УзССР, члена-корреспондента АН УзССР Амана Хикматовича Хикматова.

А. Х. Хикматов родился 1 мая 1929 г. Трудовую деятельность начал в 1945 г. рабочим, окончив ремесленное училище; до 1946 г. работал наборщиком типографии.

После успешного окончания в 1953 г. горного факультета Среднеазиатского политехнического института в течение 8 лет работал на горно-геологических предприятиях Средней Азии, прошел путь от помощника начальника угольного разреза до главного инженера шахтоуправления «Шаргуньуголь».

В 1961—1963 гг. был научным сотрудником Института экономики АН УзССР. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Эффективность капитальных вложений и новой техники».

С 1963 по 1968 г. работал главным специалистом, был членом Средазплана Госплана СССР, затем начальником отдела Госплана УзССР, руководил и непосредственно участвовал в разработке и реализации крупных инвестиционных программ республики.

В 1968—1975 гг. А. Х. Хикматов работал зав. отделом, затем директором Научно-исследовательского экономического института при Госплане УзССР, совмещая научную деятельность с преподавательской работой в должности доцента, а впоследствии профессора на кафедре экономики промышленности Ташкентского института народного хозяйства.

А. Х. Хикматов впервые в Средней Азии начал всесторонне исследовать проблемы повышения эффективности капитальных вложений и новой техники и в 1970 г.

защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы совершенствования планирования капитальных вложений и повышения их экономической эффективности в промышленности УзССР». Под его руководством в республике сформировалась и успешно функционирует научная школа по данному направлению. Разработанная А. Х. Хикматовым методика определения влияния региональных факторов на объем проектно-изыскательских работ и эффективности строительства широко используется в предплановых разработках, а методика определения нормативов складского запаса оборудования в капитальном строительстве применяется в министерствах и ведомствах республики.

Выход фундаментального научного труда «Резервы повышения экономической эффективности капитальных вложений в УзССР» стал стимулом для широкого развертывания исследований в этой области в республиках Средней Азии.

В монографии «Технический прогресс в промышленности и строительстве Узбекистана» А. Х. Хикматов всесторонне обосновал теоретические основы и методические положения, направленные на улучшение использования в условиях республики резервов повышения эффективности капитальных вложений.

По инициативе А. Х. Хикматова в республике начаты научные исследования по разработке норм и нормативов как основы перспективного планирования в структурном подразделении НИЭИ при Госплане УзССР, а в дальнейшем это направление стало одним из основных в деятельности указанного института, что нашло отражение в его новом названии — Научно-исследовательский институт экономики и нормативов с Вычислительным центром при Госплане УзССР.

С 1975 г. А. Х. Хикматов — директор Института экономики АН УзССР, где успешно руководит проведением научных исследований по ряду крупных проблем ускорения социально-экономического развития республики, ведет большую работу по улучшению организации и координации экономической науки.

Важнейшей сферой научных интересов А. Х. Хикматова являются проблемы повышения эффективности инвестиций. Много внимания уделяет он проблемам обеспечения рационального использования оборудования, инвентаризации основных фондов и др.

В трудах А. Х. Хикматова выдвигается ряд методических положений, направленных на повышение эффективности научно-технического прогресса в промышленности и строительстве УзССР.

По инициативе А. Х. Хикматова были начаты и успешно завершены работы по составлению планов экономического и социального развития Ташкента, Алмалыка, Андижана, Намангана, Джизака, Куйбышевского района г. Ташкента и др.

Сфера научных интересов А. Х. Хикматова весьма широка и многогранна. Общий объем его научных трудов превышает 257 п. л. В их числе — 13 монографий, 6 методик, 12 брошюр, 70 научных статей. Более 50 написанных им докладных записок и рекомендаций использованы директивными и плановыми органами республик.

А. Х. Хикматов ведет большую научно-редакционную работу. Под его редакцией вышло 23 научных труда различных авторов по актуальным проблемам экономики.

Выполненные А. Х. Хикматовым исследования находят признание научной общественности не только в Узбекистане, но и в научных центрах страны и за рубежом. Он выступал с лекциями и докладами в Венгрии (1977) и ФРГ (1980), участвовал в работе XI и XII симпозиумов ученых-экономистов СССР и Японии (Москва, 1976; Токио, 1978), выступал с докладами на многих международных научных форумах; провел большое количество встреч с зарубежными учеными, дипломатами, журналистами.

А. Х. Хикматов — не только крупный ученый-экономист, но и умелый руководитель и организатор науки, что особенно ярко проявилось в его деятельности как директора Института экономики АН УзССР.

А. Х. Хикматов активно участвует в подготовке научных кадров и кадров специалистов. Под его научным руководством защищены 32 кандидатские и 3 докторские диссертации.

Признанием вклада А. Х. Хикматова в экономическую науку являются присвоение ему в 1979 г. почетного звания «Заслуженный экономист УзССР» и избрание в 1984 г. членом-корреспондентом АН УзССР.

Член КПСС с 1957 г. А. Х. Хикматов успешно сочетает большую исследовательскую и научно-организаторскую работу с общественной. Он — член Планового комитета Госплана УзССР, член бюро научного Совета АН СССР по проблемам региональной экономики, председатель Среднеазиатского филиала научного Совета по экономическим проблемам научно-технической революции АН СССР и Узбекского филиала научного Совета АН СССР «Экономическая эффективность капитального строительства», член Президиума Республиканского общества «Знание», сопредседатель Совета содействия научно-техническому прогрессу Куйбышевского района г. Ташкента, член редколлегий ряда научных журналов и т. д. В течение многих лет был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», где им опубликован ряд статей.

За успехи в развитии науки, подготовке научных кадров, активную общественную деятельность и лекционную пропаганду А. Х. Хикматов награжден орденом «Знак Почета», Почетными грамотами ЦК Компартии Узбекистана, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Узбекской ССР, райкомов партии и медалью Всесоюзного общества «Знание».

Поздравляя Амана Хикматовича Хикматова со славным юбилеем, научная общественность желает ему доброго здоровья, счастья и новых творческих успехов на благо советской науки.

К 60-ЛЕТИЮ А. К. ВАЛИЕВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения заведующего отделом диалектического и исторического материализма Института философии и права им. И. М. Мунинова АН УзССР, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР Абдулхая Касымовича Валиева.

А. К. Валиев родился 7 мая 1929 г. в Ташкенте в семье дехканина. В 1952 г. окончил юридический факультет САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина). После завершения аспирантуры Института истории и археологии АН УзССР в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Развитие высшего образования в Узбекистане в послевоенные годы».

В 1956—1968 гг. А. К. Валиев — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник Отдела философии АН УзССР, ученый секретарь, заведующий сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН УзССР. В 1967 г. А. К. Валиев защитил докторскую диссертацию на тему «Формирование советской национальной интеллигенции и ее социальная роль». В августе 1968 г. он был утвержден первым заместителем Главного редактора Узбекской Советской Энциклопедии. В 1968 г. ему было присвоено звание профессора. С 1973 г. А. К. Валиев — вновь заведующий сектором исторического материализма, а с 1987 г. — заведующий отделом диалектического и исторического материализма Института философии и права АН УзССР.

А. К. Валиев — один из первых исследователей, начавших разработку проблем формирования и развития советской национальной интеллигенции в условиях некапиталистического пути развития на примере республик Средней Азии и Казахстана. Он успешно сочетает научную деятельность с педагогической работой, будучи профессором кафедры научного коммунизма Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ.

А. К. Валиев — автор более 110 научных работ, в том числе 5 монографий, 12 брошюр в области исторического материализма и научного коммунизма, актуальных проблем совершенствования и развития социалистического общества, управления культурой и формирования социально-классовой структуры общества. В их числе такие работы, как: «Формирование и развитие советской национальной интеллигенции в Средней Азии» (Ташкент, 1966), «Советская национальная интеллигенция и ее социальная роль» (Ташкент, 1969), «Октябрь, культура, интеллигенция» (Ташкент, 1977), «Учитель — верный помощник партии», «НТР и социально-классовая структура в период развитого социализма» и многие другие. Он является также соавтором ряда учебных и методических пособий по философии, ответственным редактором многих публикаций.

А. К. Валиев вносит большой вклад в подготовку философских кадров республики. Под его научным руководством более 30 человек защитили докторские и кандидатские диссертации.

А. К. Валиев достойно представляет философскую науку республики на республиканских, всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах, где не раз выступал с докладами и сообщениями.

Член КПСС с 1956 г. А. К. Валиев успешно сочетает интенсивную научно-исследовательскую деятельность с активной общественной работой. Он — председатель Узбекистанского отделения Советской Социологической Ассоциации, заместитель главного редактора редколлегии научно-популярной литературы АН УзССР, член редколлегии журнала «Советский Узбекистан», внештатный лектор Ташкентского горкома Компартии Узбекистана, член специализированных ученых Советов по защите докторских и кандидатских диссертаций по философии и научному коммунизму Института философии и права АН УзССР, ТашГУ им. В. И. Ленина, член Бюро Узбекистанского отделения Философского общества СССР. Много лет был заместителем главного редактора журнала «Общественные науки в Узбекистане», на страницах которого опубликован ряд его научных статей.

Плодотворная деятельность А. К. Валиева отмечена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «За трудовую доблесть», званием «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР» и другими наградами.

Поздравляя Абдулхая Касымовича Валиева с юбилеем, научная общественность желает ему доброго здоровья, счастья и новых творческих успехов.

К 60-ЛЕТИЮ А. УРУНБАЕВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения видного востоковеда, директора Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР, доктора исторических наук Асама Урунбаева.

А. Урунбаев родился 15 мая 1929 г. в Ташкенте в семье служащего. В 1944 г. поступил на подготовительное отделение САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина), а в 1945 г.— на его восточный факультет, который окончил в 1950 г. Трудовую деятельность начал в 1950 г. в рядах Советской Армии, выполняя обязанности военного переводчика.

Научная деятельность А. Урунбаева началась с 1953 г., когда он поступил в Институт востоковедения АН УзССР вначале на должность младшего научного сотрудника, с декабря 1957 г.— и. о. старшего научного сотрудника, с июля 1961 г.— старшего научного сотрудника. С июля 1969 г. по декабрь 1973 г. А. Урунбаев заведовал сектором изучения и публикации письменных памятников XIV—XV вв., с января 1974 г. по июнь 1975 г.— отделом изучения и публикации письменных памятников, а с июля 1975 г.— отделом научного описания восточных рукописей (в 1986 г. переименован в отдел источниковедения и каталогизации). 16 ноября 1987 г. на общем собрании коллектива он избран на должность директора Института.

В 1961 г. А. Урунбаев защитил в Институте востоковедения АН УзССР кандидатскую диссертацию «Путевые записки Абдарраззак Самарканди о его поездке в Индию в 1442—1444 гг.», а в 1984 г. здесь же защитил докторскую диссертацию «Письма-автографы Абдаррахмана Джамии из «Альбома Навон» как исторический источник».

Перу А. Урунбаева принадлежит свыше 50 научных публикаций, общим объемом более 400 п. л. Он является также редактором ряда монографий и каталогов восточных рукописей АН УзССР на русском и узбекском языках, объемом 114 п. л.

Научная деятельность А. Урунбаева формировалась по двум направлениям: научное описание и каталогизация восточных рукописей и источниковедческое изучение письменного наследия народов Востока. Под его редакцией и при его участии изданы три тома каталога (VII, Ташкент, 1964; IX, Ташкент, 1971; XI, Ташкент, 1987), а также каталог произведений Абдаррахмана Джамии (Ташкент, 1965). Им внесен также весомый вклад в источниковедческое изучение письменного наследия народов Средней Азии и сопредельных стран Востока как источника по истории, историн науки и культуры XV в. Среди опубликованных А. Урунбаевым работ можно отметить: «Путевые записки Абдарраззак Самарканди о его поездке в Индию» (Ташкент, 1960, на узб. яз.), научно-комментированные переводы с персидского языка: Абдарраззак Самарканди. «Место восхода двух счастливых созвездий и слияния двух морей» (Ташкент, 1969, на узб. яз.) и «Письма-автографы Абдаррахмана Джамии из «Альбома Навон» (Ташкент, 1982, на рус. яз.). На основе писем им внесены уточнения, дополнения в биографию некоторых личностей и ряд налоговых терминов. Эта публикация вызвала большой интерес и за рубежом (издана в 1987 г. в Кабуле на перс. яз.), а ныне в связи с предстоящим 570-летним юбилеем Джамии в сотрудничестве с А. Урунбаевым в Душанбе готовится к изданию полный текст писем-автографов. А. Урунбаевым издан также фотофаксимильный текст «Зафарнаме» Шарафаддина Али Язди с предисловием (на узб., рус. и англ. яз.), текстологическими примечаниями и указателями (Ташкент, 1969).

А. Урунбаев принимает участие и в коллективной работе по изданию трудов выдающихся деятелей науки и культуры народов Востока. Он является участником капитального (в 4 томах) издания «Канон врачебной науки» Ибн Сины (Ташкент, 1954—1960, на узб. яз.). Им опубликовано много статей по истории культуры народов Востока, в том числе за рубежом (Прага). В целях ознакомления с рукописными фондами зарубежных книгохранилищ А. Урунбаев выезжает в заграникомандировки.

А. Урунбаев уделяет много внимания подготовке кадров востоковедов. Он осуществляет постоянное руководство молодыми кадрами в их работе над восточными рукописями, был научным консультантом и оппонентом ряда кандидатских диссертаций.

А. Урунбаев ведет также большую научно-организационную работу: является председателем специализированного Совета ИВ АН УзССР по защите докторских и кандидатских диссертаций, членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», где опубликовал целый ряд статей; руководит работами по систематизации коллекции восточных документов в фонде Института; в течение многих лет (1973—1986) был ученым секретарем спесовета по защите диссертаций.

Член КПСС с 1956 г. А. Урунбаев активно участвует в общественно-политической жизни. Неоднократно избирался членом бюро и секретарем партийной организации, членом и председателем профкома, а ныне является членом восточной секции Археографической комиссии АН СССР, членом Бюро научного Совета АН СССР по программе «Исторические пути развития народов Азии, Африки и Латинской Америки», членом бюро ОИЯЛ АН УзССР, председателем Узбекского отделения Всесоюзной ассоциации востоковедов.

Поздравляя Асама Урунбаева с юбилеем, научная общественность республики желает ему крепкого здоровья, счастья, долгих лет жизни и новых успехов в его плодотворной научной деятельности.

К 60-ЛЕТИЮ М. М. ФАЙЗИЕВА

Исполнилось 60 лет со дня рождения заведующего отделом государствоведческих наук Института философии и права им. И. М. Мунинова АН УзССР, доктора юридических наук Мириноя Мирзаахмедовича Файзиева.

М. М. Файзиев родился в марте 1929 г. в Ташкенте в семье рабочего. Его трудовая деятельность началась с 1948 г., когда он, еще будучи студентом юридического факультета ТашГУ, работал воспитателем и пионервожатым в пионерских лагерях Ташкента и Ташкентской области.

Получив высшее образование, М. М. Файзиев поступил в 1952 г. в аспирантуру, которую окончил в 1956 г. с защитой кандидатской диссертации на тему «Узбекская ССР — суверенное государство в составе Союза ССР».

В 1956—1959 гг. М. М. Файзиев работал зав. отделом аспирантуры АН УзССР, в 1959—1960 гг. — старшим референтом Отдела науки, вузов, культуры, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения Совета Министров УзССР; в 1960—1968 гг. — зам. главного ученого секретаря, начальником научно-организационного отдела, зам. председателя Совета по координации НИР Президиума АН УзССР; с 1968 г. был зав. сектором сравнительного правоведения, а ныне он заведует отделом государствоведческих наук ИФП АН УзССР. Одновременно с 1960 г. он по совместительству вел преподавательскую работу в ряде вузов Ташкента, а ныне является и. о. профессора ТВПШ при ЦК КПСС. Кроме того, он на общественных началах заведует сектором теории и истории государства и права ИФП АН УзССР.

В 1980 г. М. М. Файзиев успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы сравнительного изучения государственности и законодательства союзных республик».

В центре научных интересов М. М. Файзиева — разработка проблем общей теории и истории государства и права, социалистической демократии, правового строительства союзных республик, истории Советского социалистического государства и права в Узбекистане, развития социалистического самоуправления в УзССР на современном этапе, методологии сравнительного правоведения в отечественной и зарубежной правовой науке и др. Им опубликованы такие монографии, как «Узбекская ССР — суверенное государство» (1961), «Проблемы сравнительного изучения законодательства союзных республик» (в соавторстве, 1974), «Применение сравнительного метода при изучении государственно-правового строительства союзных республик» (1978), «Советское сравнительное правоведение в условиях федерации» (1986), 30 брошюр, десятки разделов в коллективных монографиях и обобщающих трудах, методических пособий и рекомендаций для студентов вузов, около 100 научных статей (в том числе на ряде иностранных языков), а всего — более 160 работ. Он — один из авторов 3-томной «Истории Советского государства и права Узбекистана».

Подготовленные М. М. Файзиевым предложения по совершенствованию законодательства и правотворческой деятельности применяются в практике Министерств юстиции СССР и всех союзных республик, а методические рекомендации используются при преподавании гуманитарных дисциплин в вузах.

М. М. Файзиев подготовил шесть кандидатов наук, а ныне осуществляет научное руководство над 10 аспирантами и соискателями. Кроме того, он выступал в качестве научного консультанта при подготовке нескольких десятков кандидатских и трех докторских диссертаций. М. М. Файзиев — ответственный редактор ряда научных монографий и коллективных трудов, изданных в Ташкенте и Москве.

М. М. Файзиев неоднократно участвовал в работе республиканских, региональных, общесоюзных и международных научных форумов. В 1984 г. в течение 3 месяцев он читал курс лекций «Теория государства и права» для слушателей Центральной административной школы СРВ.

М. М. Файзиев ведет большую научно-организаторскую работу как председатель научного Совета по координации НИР, председатель Узбекского отделения МАПН, председатель научно-методического совета Республиканского общества «Знание» и т. д.

Член КПСС с 1955 г. М. М. Файзиев активно участвует в общественной жизни. Он был председателем Совета молодых ученых республики при ЦК ЛКСМУз, членом Совета молодых ученых при ЦК ВЛКСМ, членом Президиума РК профсоюза работников высшей школы Узбекистана, членом и заместителем секретаря партбюро Президиума АН УзССР и т. д., а ныне является секретарем цехкома и членом партбюро ИФП АН УзССР.

Заслуги М. М. Файзиева отмечены рядом Почетных грамот партийных, комсомольских органов и др.

Поздравляя Мирноя Мирзаахмедовича Файзиева с юбилеем, научная общественность желает ему крепкого здоровья, счастья и дальнейших творческих успехов.

ХРОНИКА

ГОДИЧНЫЕ СОБРАНИЯ В АКАДЕМИИ НАУК УЗССР

7 февраля 1989 г. состоялось годовое общее собрание Отделения философских, экономических и юридических наук (ОФЭЮН) АН УзССР, на котором были рассмотрены следующие вопросы: 1. Итоги научно-исследовательской работы учреждений ОФЭЮН за 198 г. и задачи на 1989 г. 2. Об итогах социалистического соревнования за 1988 г. 3. Научный доклад: «Перестройка и формирование Советского правового государства».

Собрание открылось вступительным словом вице-президента АН УзССР, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупова. По первому вопросу выступил академик-секретарь ОФЭЮН, чл.-кор. АН УзССР М. М. Хайруллаев. Доклад «Итоги выполнения социалистических обязательств на 1988 г. и принятие социалистических обязательств на 1989 г.» сделал чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. Туленов.

В прениях выступили: члены-кор. АН УзССР К. Н. Бедрицев, Ж. Т. Туленов, доктора экон. наук Т. Д. Нуруллаев, Э. Д. Рахимов, А. А. Абдуганнев, доктор филос. наук А. Ф. Файзуллаев, канд. экон. наук В. И. Подпорин, канд. филос. наук М. А. Абраров.

За отчетный период деятельность Отделения, в состав которого входят Институт философии и права, Институт экономики, Совет по изучению производительных сил и кафедра философии, в основном была направлена на выполнение планов НИР, усиление координации, повышение роли научных исследований в ускорении социально-экономического развития и обновлении духовного потенциала общества в свете решений XIX Всесоюзной партконференции, Пленумов ЦК КПСС.

Большое внимание уделялось вопросам перестройки стиля и методов руководства, созданию благоприятных условий для эффективного использования научного потенциала, совершенствования структуры научных подразделений, улучшения состава и аттестации научных работников, внедрения результатов научных разработок, укрепления связи науки с производством.

В отчетном году количество разрабатываемых в Отделении тем составило 23, из них 5 хозяйственных. Произошли изменения в научном потенциале. Численность научных сотрудников достигла 321 человека, в том числе 35 докторов и 168 кандидатов наук; в аспирантуре обучается 151 человек. В составе Отделения — 1 чл.-кор. АН СССР, 4 академика и 10 членов-кор. АН УзССР.

К наиболее значительным результатам, полученным научными учреждениями Отделения в отчетном периоде, можно отнести разработку Комплексной программы научно-технического прогресса Узбекской ССР на период 1991—2010 гг., по которой подготовлены сводный и 7 проблемных томов. В ней сконцентрирована обширная фактологическая и прогнозная информация о развитии производительных сил и тенденциях научно-технического прогресса в народном хозяйстве республики на долгосрочную перспективу. В директивные органы представлено более 100 предложений по актуальным проблемам социально-экономического развития республики. Кроме того, институтами Отделения подготовлены предложения и замечания более чем по 50 постановлениям и распоряжениям директивных органов по осуществлению экономической и правовой реформ. Заслуживают внимания результаты исследований и эксперимента по передаче функций заготовок и хранения хлопка-сырца самим производителям, апробированные рекомендации по инвентаризации основных фондов и оценке их технического состояния, по рациональному использованию трудовых ресурсов и др.

На хозяйственных началах институтами Отделения разрабатываются проблемы внедрения хозрасчета в народнохозяйственный комплекс республики, социально-экономическая оценка последствий от снижения уровня Аральского моря и др. Следует отметить инициативу Института экономики, где впервые в условиях хозрасчета работает целый отдел.

Важное значение придается изучению межнациональных отношений (Институт философии и права АН УзССР); разрабатываются проблемы дифференцированного подхода к изучению опыта национальных отношений в современных условиях.

В отчетном году в Отделении защищено 10 докторских и 36 кандидатских диссертаций, для других учреждений УзССР и для братских среднеазиатских республик подготовлено 30 докторов и кандидатов наук.

За 1988 г. в целом по ОФЭЮН опубликованы 22 монографии, 23 брошюры и сборника статей, более 200 статей. Учеными Отделения прочитано 1600 лекций, сделано 33 выступления по радио и телевидению по актуальным социально-экономическим проблемам перестройки. Принималось участие в работе международных, всесоюзных и республиканских научных конференций.

Вместе с тем отмечалось, что несмотря на определенные достижения в научно-организационной деятельности учреждений Отделения, перестройка их работы осуществляется недостаточными темпами, не ощущается кардинальных сдвигов в исследовательском процессе. Плохо используется научный потенциал учреждений, ощущается нехватка высококвалифицированных специалистов и др.

Несмотря на довольно большое количество публикаций, совершенно недостаточно количество их в союзной и зарубежной печати. Надо шире практиковать новые формы организации труда, создание временных творческих коллективов по наиболее актуальным для региона темам.

Выступившие высказали свои соображения по устранению этих недостатков. При подведении итогов социалистического соревнования за 1988 г. победителем по Отделению признан коллектив Института экономики. Приняты социалистические обязательства на 1989 г.

* * *

1 марта 1989 г. прошло годовичное общее собрание Отделения истории, языкознания и литературоведения (ОИЯЛ) АН УзССР, на котором были рассмотрены следующие вопросы: 1. Основные итоги научно-исследовательской деятельности ОИЯЛ АН УзССР и его научных подразделений за 1988 г. и о проблемно-тематических планах на 1989 г. Докладчик — академик-секретарь ОИЯЛ АН УзССР, акад. АН УзССР А. А. Аскарлов. 2. Выполнение социалистических обязательств в 1988 г. и принятие новых обязательств на 1989 г. Докладчик — зам. академика-секретаря ОИЯЛ, чл.-кор. АН УзССР С. А. Азимджанова. С научными докладами выступили: зав. отделом Института истории АН УзССР, доктор ист. наук З. Х. Арифханова — «Проблемы межнациональных отношений на современном этапе», директор Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР, доктор филол. наук Б. А. Назаров — «Новое мышление и методологические проблемы узбекской критики Бехбуди», зав. отделом Института востоковедения АН УзССР, доктор ист. наук А. А. Ахмедов — «К 600-летию юбилею со дня рождения Улугбека. О творчестве Улугбека», зав. отделом Института археологии АН УзССР, доктор ист. наук У. И. Исламов — «Новое в изучении освоения территории Средней Азии древним человеком».

Вступительным словом собрание открыл вице-президент АН УзССР, чл.-кор. АН СССР Э. Ю. Юсупов.

В обсуждении основного доклада приняли участие: акад. АН УзССР Г. А. Пугаченкова, чл.-кор. АН УзССР И. А. Султанов, доктора наук З. Х. Арифханова, Ю. Ф. Буряков, А. П. Каюмов, Т. М. Мирзаев, канд. наук А. Шайхов.

В Отделение входят пять научно-исследовательских институтов и Музей истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека, где работает 472 научных сотрудника, в том числе 45 докторов и 242 кандидата наук. В составе Отделения — 6 академиков и 12 членов-кор. АН УзССР.

На собрании было отмечено, что в 1988 г. Институтами Отделения проделана определенная работа по совершенствованию планирования и финансирования, повышению эффективности фундаментальных исследований и мобилизации всех сил и ресурсов на решение основных задач укрепления перестроечных процессов в науке. Конкретизированы научно-тематические планы в рамках главных направлений.

В 1988 г. научно-исследовательская работа велась по 14 фундаментальным направлениям. Опубликовано 48 монографий и сборников, 13 брошюр и 550 статей, общим объемом 1261 п. л. Прочитано 1605 лекций, состоялось около 220 выступлений по радио и телевидению. Заметно возросла творческая активность молодых ученых. Отмечаются позитивные сдвиги в подготовке кандидатов наук; число аспирантов выросло на 40%.

Вместе с тем отмечалось, что в деятельности Отделения имелись недостатки, упущения, нереализованные возможности и резервы. Научно-исследовательские институты недостаточно использовали свой научный потенциал в решении актуальных проблем современности: изучении вопросов совершенствования межнациональных отношений, взаимообогащения культур, интернационального и нравственного воспитания трудящихся.

Недостаточно велась подготовка кадров высшей квалификации (при плане 6 — защищены 2 докторские диссертации), хотя перевыполнен план защит кандидатских диссертаций (при плане 11 — защищено 20 диссертаций).

Налаживание международных связей по-прежнему идет очень робко и осторожно. Институт истории, например, представлен лишь одним докладом на советско-индийском симпозиуме. Институт археологии выполнялся договор о сотрудничестве в области археологии с группой № 1222 СНРС Франции, заключенный в 1985 г. сроком на 4 года. В рамках этого договора в сентябре 1988 г. Ташкент и Самарканд посетили французские ученые Ф. Гране и Кл. Рапэн, а в ноябре 1988 г. в Париже был проведен ответный colloquium с участием ученых Института археологии АН УзССР.

Участники собрания обсудили планы научно-исследовательских работ Отделения на 1989 г. В соответствии с постановлением Президиума АН УзССР Отделением в

конец 1988 г. создан экспертный Совет из ведущих ученых институтов по анализу проблемно-тематического плана научно-исследовательских работ и определению характера запланированных на 1989 г. тем и направлений. В итоге на 1989 г. по ОИЯЛ запланированы 34 фундаментальные темы, 34 поисковые, 5 региональных и 1 прикладная.

На собрании были подведены также итоги социалистического соревнования за 1988 г. и утверждены социалистические обязательства на 1989 г. Победителем по Отделению признан Институт археологии АН УзССР.

* * *

7 апреля 1989 г. состоялось годовое общее собрание Академии наук Узбекской ССР.

Доклад об основных итогах деятельности и перспективных задачах республиканской Академии наук сделал президент АН УзССР, акад. АН УзССР М. С. Салахитдинов.

Затем были заслушаны доклады: главного ученого секретаря Президиума АН УзССР, чл.-кор. АН УзССР А. Г. Халмурадова — о работе Президиума Академии за 1988 г. и плане научно-исследовательских работ на 1989 г., председателя объединенного профсоюзного комитета АН УзССР И. Х. Абдуганиева — об итогах выполнения коллективами академических научных учреждений и организаций социалистических обязательств за 1988 г. и намеченных рубежах на 1989 г.

Как отмечалось в докладах и выступлениях, основные направления научного поиска четко определены в решениях XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, последующих Пленумов ЦК КПСС. Эти сложные и ответственные задачи требуют, чтобы наука стала составной органической частью перестроечных процессов, всех преобразований, происходящих в экономической, социальной и духовной жизни республики.

Участники собрания говорили о необходимости ориентировать проходящую в республике перестройку академической науки на резкое повышение уровня фундаментальных и прикладных исследований, которые стали бы существенным фактором интенсивного развития в промышленности, сельском хозяйстве и социальной сфере.

В АН УзССР ведется интенсивный поиск новых, более эффективных методов управления, передовых форм организации науки, направленных на расширение демократизации, устранение чрезмерной централизации руководства научно-исследовательскими учреждениями, на повышение ответственности научных коллективов за конечный результат работы. Это заметно активизировало деятельность научных коллективов и уже дало ряд неплохих результатов.

В 1988 г. учреждения, организации АН УзССР выполняли исследования по 46 научным направлениям, разрабатывалось 390 бюджетных тем, 111 заданий по общесоюзным и республиканским программам.

За отчетный год в народнохозяйственный комплекс внедрены результаты 319 разработок с фактическим экономическим эффектом более 146 млн. руб.

Академией осуществлен переход на новый принцип планирования и финансирования научных исследований. Введен порядок выборности руководителей научных учреждений. Так, на конкурсной основе избраны директора институтов востоковедения, сейсмологии, НПО «Физика — Солнце», зоологии и паразитологии.

Получили дальнейшее развитие гибкие, мобильные формы организации науки. В республике сегодня действуют три межотраслевых научно-технических центра для решения наиболее важных народнохозяйственных задач: по созданию высокоэффективной хлопкоуборочной техники, использованию нетрадиционных источников энергии, синтезу новых эффективных дефолиантов.

Развивается сотрудничество АН УзССР с академиями наук союзных республик, учеными других стран. Заключен договор о творческом содружестве с АН ТаджССР, решено заключить аналогичные договоры с академиями наук Украины и Казахстана.

В то же время участники собрания отмечали, что деятельность учреждений науки в республике еще не стала подлинным двигателем научно-технического прогресса. Медленно развиваются фундаментальные исследования, особенно по ряду приоритетных направлений — машиностроению, материаловедению, информатике и вычислительной технике, биотехнологии, генетике. Одна из причин этого отставания — низкий уровень экспериментальной, материально-технической базы.

Надо мобилизовать усилия научных коллективов на решение узловых проблем социально-экономического развития республики: хлопкового комплекса, экологии, здравоохранения, ресурсосбережения. Нужно развивать внедрение конкурсных начал при формировании программ и планов исследований по важнейшим направлениям естественных, технических и общественных наук, межотраслевым научно-техническим проблемам, при определении тематики инициативных работ и распределении ресурсов.

Как отмечалось в выступлениях, важное значение имеет повышение эффективности исследовательской работы ученых — философов, экономистов, юристов, историков, археологов, востоковедов, языковедов, литературоведов. Нужна глубокая научная разработка проблем межнациональных отношений, теоретических основ экономической, политической, правовой реформы. Существенного углубления требует изу-

чение проблем, связанных с культурным наследием народов Средней Азии, революционно-демократическими процессами.

Непременным условием интенсивного развития науки является улучшение подготовки молодых ученых, активное использование их творческой энергии. Следует повседневно держать в центре внимания вопросы подбора, воспитания и непрерывного роста квалификации научных кадров, создать условия для дальнейшей демократизации обстановки в Академии, преодоления бюрократизма и консерватизма в науке.

На собрании выступил секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. З. Комалходжаев.

В работе годовичного собрания приняли участие второй секретарь ЦК КПУз В. П. Анишев, председатель Комитета народного контроля УзССР А. С. Ефимов, первый секретарь Ташкентского горкома партии Б. Ф. Сатни, заместитель Председателя Совета Министров УзССР В. В. Сударенков.

А. Ю. Агабеков, Л. Х. Гафурова, Б. И. Кюпов

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1987—1988 ГОДОВ

27—28 октября 1988 г. в Ташкенте состоялась региональная научная конференция по итогам полевых этнографических исследований 1987—1988 гг., организованная Институтом истории АН УзССР. В работе ее приняли участие ученые Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, Институтов истории АН Киргизской ССР и Туркменской ССР, кафедры всеобщей истории Туркменского госуниверситета, кафедры истории КПСС Туркменского госмединститута, а также этносоциологи Азербайджана и Казахстана.

Конференцию открыла вступительным словом директор Института истории АН УзССР, доктор ист. наук Р. Я. Раджапова, которая отметила большое значение первой региональной конференции этнографов и этносоциологов для укрепления и расширения контактов ученых, совместных разработок региональных научных проблем, и выразила надежду, что эти встречи станут традиционными.

На конференции было заслушано два доклада и 18 сообщений.

С докладом «Актуальные проблемы этнографии Узбекистана советского периода» выступила доктор ист. наук З. Х. Арифханова (Ташкент). В докладе отмечалось, что на современном этапе неизмеримо возрастает роль общественных наук, в частности этнографии, в разработке задач всестороннего совершенствования нашего общества.

В последнее время процесс интернационализации всех сторон общественной жизни привел как к расширению контактов народов, так и к росту национального самосознания и усилению интереса к истории, в частности к этнической истории. В этой связи возрастает значимость проблем ранней этнической истории, этногенеза узбекского народа, которые тесно переплетены и связаны с этнической историей всех народов Средней Азии и Казахстана. Актуальность данной проблемы — не только в ее научном и познавательном значении, но и в том, что выявление многокомпонентности формирования этнических общностей, установление участия всех народов региона, в том числе узбекского, в этом процессе определяют правильную идеологическую ориентацию трудящихся, особенно молодежи, в борьбе против национальной ограниченности и национального чванства.

В Институте истории АН УзССР готовится коллективный труд «Этнография узбекского народа (в прошлом и настоящем)». Работа над монографией помогла выявить существующие проблемы и существенные пробелы в этнографической науке республики, изучающей как прошлое, так и современность.

Научное, познавательное и большое практическое значение имеет изучение хозяйственной деятельности узбекского народа, его этнокультурных традиций земледелия, народных методов агротехники, водопользования, орошения и т. д.

Большой интерес вызывают вопросы традиционного ремесленного производства в советское время, как в связи с еще слабой изученностью этого вопроса, так и в связи с закономерной тенденцией возрождения народных промыслов.

В плане этнокультурных процессов весьма важно изучение изменений в материальной культуре узбекского народа, связанных с общим ходом социально-экономических преобразований, научно-технического прогресса и массовым внедрением в быт промышленных изделий. Необходимо выявлять сохранившиеся локальные различия в жилище, одежде, пище как одно из проявлений незавершенности консолидационных процессов.

Усиления внимания этнографов требует и сфера духовной жизни народа. Этнографы должны активизировать свою работу по изучению обрядов, праздников, традиций узбекского народа, внести свой вклад в отбор и использование в формировании социалистической обрядности всего лучшего, рационального в своей основе, выдержавшего испытание временем.

В этнографии Узбекистана по-прежнему большое значение придается изучению проблемы семьи и семейного быта.

Особого внимания заслуживает изучение положения малых этносов, национальных групп, проживающих за пределами своих национальных республик, в иноэтнической среде, которые сегодня составляют в Узбекистане около трети населения.

Одна из важных задач нового научного направления — этносоциологии — раскрыть национальное своеобразие социальных явлений, путем социологического анкетирования выявить новый массив фактического материала и соотнести его с уже имеющимся, проанализировать его, дать правильное толкование происходящим процессам и выдвинуть практические рекомендации.

Многие аспекты национальной проблематики требуют сегодня серьезного переосмысления, ибо здесь отрицательно сказалось присущее застойным временам замалчивание острых вопросов. Долгие годы этнографы не могли высказать открыто в полной мере свое критическое мнение по вопросам калыма, религиозности населения, проявлений национализма.

Главные задачи этнографов сегодня — поднять теоретический уровень их исследований, расширить базу этнографической информации, используя новые, современные методы исследований, создавать работы, объективно раскрывающие современные этнические процессы во всей их сложности и противоречивости, выводы которых должны иметь практическую значимость.

С докладом «Пережитки древних традиций в общественной жизни (на материалах узбеков долины р. Зарафшан конца XIX — начала XX века)» выступил доктор ист. наук К. Ш. Шаниязов (Ташкент). В докладе обращено внимание на некоторые наиболее характерные формы общественного быта узбеков, главным образом кипчаков, расселившихся в бассейне среднего течения р. Зарафшан. Докладчик говорил о бытовании у родоплеменных групп узбеков долины Зарафшана различных форм мужских компаний, как «кирк жигит» (сорок джигитов), «солма», «джура» или «гаштак», «харпона» и другие, обратил внимание на возраст участников той или иной мужской компании, ее структуру и организацию. Характеризуя различные формы традиционных мужских компаний, в которых сохранялись пережитки половозрастных групп и связанные с ними периодические сборы, угощения, докладчик отметил, что своими истоками они относятся в основном к периоду патриархально-родовой общины.

Обращено также внимание как на положительные, так и на отрицательные черты в традиционных мужских компаниях узбеков. Положительными считаются общение людей друг с другом, чувство коллективизма, а также определенный интерес к народной музыке и героическому эпоху. Отрицательным же явлением было то, что участники компании были социально неравными, ведущую роль в них играли лица из байских семей. Организация вечеринок была связана и с чрезмерными расходами, которые нередко доводили маломощные семьи до разорения. В компаниях просматривались также элементы бытового разложения (употребление наркотиков, бачи), не совместимые с человеческой моралью.

В заключение докладчик обратил внимание на изменения, происшедшие в формах проведения мужских компаний после революции, исчезновение некоторых из них из быта.

Преобладающая часть выступлений была посвящена проблемам исторической этнографии. На конференции было заслушано пять выступлений по вопросам этнической истории и этногенеза.

Выступление канд. ист. наук Ч. Языева (Ашхабад) было посвящено туркменской сельской общине в XVIII — первой четверти XX в., сущность и функции которой, несмотря на имеющиеся богатые архивные, историко-этнографические материалы, изучены недостаточно. Не уделялось должного внимания, в частности, такой важной проблеме, как организация управления и власти в туркменской сельской общине. Докладчик отмечает своеобразие структуры самоуправления туркменской общины в дооктябрьском прошлом. Она включала в себя маслахаты (совещание, сход) и «выборный аппарат» общинного самоуправления в составе хана, сердара, аксакалов, мирабов, представителей духовенства и др. Каждый социальный институт имел определенное значение и играл важную роль в системе общины и всей общественной жизни туркмен. Община управлялась традиционной патриархально-демократической системой.

Важную роль в системе общинного самоуправления туркмен до присоединения Туркменистана к России играл институт ханской власти. Здесь этот институт имел существенные особенности. Должность хана не была наследственной; выдвижение и признание его зависели от его индивидуальных качеств, военного искусства.

Резюмируя роль ханов до 80-х годов XIX в., докладчик, опираясь на большой историко-архивный и литературный материал, констатировал, что они в основном выполняли функции военных предводителей в случае возникновения внешней опасности. В мирное же время влияние ханов на жизнь общества было невелико, хотя они стремились установить контроль над деятельностью представителей общинной администрации, особенно аксакалов, мирабов и др.

Доктор ист. наук А. Джикиев (Ашхабад), опираясь на полевые материалы, собранные во время этнографической поездки к туркменам Ставропольского края и Астраханской области в 1987 г., говорил о том, что ставропольские туркмены, насчитывающие по переписи 1979 г. 10 тыс. человек, проживают в 17 аулах в пяти районах края. Туркмены — човдуры, ичдиры, союзджаджи и другие — переселились в южнорусские степи из Северо-Восточного Прикаспия в XVII—XVIII вв. Говоря о туркменских племенах абдал и ичдиры, переселившихся в Астрахань в середине XIX в., докладчик отметил, что 2 тыс. из них проживают ныне в поселках Атал, Фунтово I и Фунтово II Приволжского района.

До начала XX в. туркмены занимались там главным образом скотоводством, а астраханские — и рыболовством. Земледелие и домашние промыслы были развиты незначительно. До сих пор у обследованных туркмен отмечаются пережитки былого кочевого быта. В результате обособленной жизни эта группа туркмен сохранила древние огузо-туркменские традиции в семейно-родственных отношениях, обрядности, обычаях, языке. В то же время вековые этно-культурные связи и близкое соседство с калмыками, ногайцами и другими народами оказали большое влияние на материальную и духовную культуру, язык и т. д. туркмен, проживающих в Ставропольском крае и Астраханской области. Но в целом у данной этнической группы сохраняется национальное самосознание, осознание себя частью туркменской нации, поддерживаются связи с ТуркмССР, молодежь получает образование в ее учебных заведениях.

Канд. ист. наук К. Биржанов (Алма-Ата) рассказал об одной из задач Семиреченской экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (сентябрь-октябрь 1987 г.) — выяснить этническую принадлежность и историю групп «каракалпаков» и «торкпены», отмеченных на этнической карте Капальского уезда Семиреченской области. Установлено, что каракалпаки и торкпены расселены ныне в хозяйствах Талды-Курганской области. Основу их хозяйства до революции составляло скотоводство (разведение овец, лошадей, верблюдов, реже — крупного рогатого скота). Каракалпаки больше, чем торкпены, занимались также поливным земледелием, сеяли просо, пшеницу, ячмень.

По мнению докладчика, каракалпаки и торкпены были рабами султана Тезека, одного из потомков известного казахского хана Аблая. Сами каракалпаки и торкпены, отмечалось в выступлении, причисляют себя к племени «жалаир» и считают себя казахами. Поскольку у казахов рабство не вышло из формы домашнего, то с их стороны каракалпаки торкпены, как правило не встречали пренебрежительного отношения к себе, и между ними даже свободно заключались браки. Их инкорпорация в состав родов и племен казахов носила чаще всего не насильственный характер, а наоборот, совершалась мирным путем.

Мл. н. с. А. И. Шевяков (Ташкент), опираясь на собранные им в 1987—1988 гг. полевые этнографические материалы, изложил новые данные о населении долины р. Пскем (Ташкентская область). Докладчик указал на этнографическое своеобразие Пскемской долины, где проживают таджики, киргизы и некоторое количество казахов. Докладчик обозначил места их проживания, привел собранные им данные об их происхождении, этнической истории.

Канд. ист. наук Т. У. Салимов (Ташкент) уделил внимание вопросу формирования населения целинных районов Сырдарьинской области, где с самого начала заселения и освоения происходили крупные миграционные процессы различных этносов.

Уже в дореволюционный период в процессе происшедших социально-экономических изменений и формирования многонационального населения на территории Мирзачуля складывались условия для межэтнической интеграции различных по своим языково-культурным параметрам этнических единиц. После победы Октября начался решающий этап в истории освоения и орошения степи. Ко времени образования новой Сырдарьинской области (1963 г.) на землях Мирзачуля сложилось население, состоящее из представителей различных наций и народностей, этнографическое изучение которого требует дальнейшего углубления и расширения.

Два выступления были посвящены вопросам материальной культуры (традиционное и новое).

Мл. н. с. Ч. К. Омурбеков (Фрунзе), опираясь на собранный им полевой этнографический материал по традиционной и современной материальной культуре киргизов Таласской долины, остановился в своем сообщении на новом и традиционном в системе питания киргизов.

Как один из самых консервативных, устойчивых элементов материальной культуры народа, отметил докладчик, пища представляет большой интерес в плане изучения соотношения традиционного и нового, процессов консолидации и интеграции, выявления путей распространения общесоветских и региональных черт в области культуры и быта.

В сообщении перечислялись сохранившиеся виды традиционной пищи, способы их приготовления, обычай, связанные с приемом пищи, и т. д. На конкретных примерах показано, как в ходе межэтнических контактов киргизское население продолжает обогащать свою систему питания, включая в нее блюда других этносов.

Канд. ист. наук М. Д. Савуров (Ташкент) остановился на современных этнических процессах в материальной культуре национальных групп Узбекистана — корейцев, уйгуров и дунган. Докладчик заострил внимание на таких аспектах материальной культуры, как поселения и жилища, одежда и пища. Различным элементам материальной культуры этих народов присущи разные темпы развития, где интегрирующие моменты наиболее последовательно прослеживаются в жилище и пище, а сохранение национальных традиций наблюдается в пище и некоторых элементах одежды и жилища. Докладчик отметил сохранение в материальной культуре национальных групп Узбекистана традиционных элементов и широкое распространение заимствований у узбеков и других народов республики, а также стандартизированных и унифицированных элементов, базирующихся на достижениях научно-технического прогресса.

В выступлении говорилось также о проблеме сохранения элементов национальной культуры, в том числе в материальной сфере, необходимости создания условий для их развития.

Два выступления были посвящены проблемам развития ремесла и народных промыслов в прошлом и настоящем.

Канд. ист. наук С. Сулейманов (Ашхабад) указал на неизученность такого вопроса в туркменской этнографии, как история мукомольного дела. Объектом специального исследования была выбрана долина Верхнего Сумбара, весьма благоприятная для развития земледелия. Докладчик отметил бытование в данном регионе водяных мельниц, вкратце рассказал о принципах их работы, техническом устройстве и т. д. Докладчик констатировал отсутствие в Верхнем Сумбаре ветряных мельниц и мельниц, приводимых в движение с помощью животных. В выступлении говорилось и о ряде обычаев и верований, связанных с бытованием мукомольного дела у туркмен. В заключение была подчеркнута важность сохранения водяных мельниц как памятников истории и культуры туркменского народа.

О состоянии народных промыслов и ремесла в Бухарской области говорилось в выступлении Т. Ж. Ахмедовой (Ташкент), построенном на результатах этнографической экспедиции 1987 г. Она перечислила зафиксированные на сегодняшний день в Бухаре и Бухарской области отрасли народных промыслов и ремесел и более подробно остановилась на некоторых из них — чеканке по меди, кузнечном, ювелирном, кондитерском деле, строительных ремеслах, способах и процессах работы, инструментари и т. д. Народные мастера Бухары продолжают традиционное ремесло своих предков, используя уже новые методы работы, новые инструменты. Но у них есть и немало серьезных проблем.

Проблема «Семья и семейное воспитание» было посвящено три выступления.

Канд. ист. наук Т. Х. Ташбаева (Ташкент) охарактеризовала современную неразделенную узбекскую семью в динамике. Пройдя спустя 35 лет по следам первого отряда Ферганской этнографической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР, докладчик изложила результаты своей работы в кишлаке Айкыран бывшего Чартакского (ныне Янгикурганского) района Наманганской области.

В выступлении было заострено внимание на истории двух неразделенных семей, обследованных ранее указанным этнографическим отрядом, и знакомстве с их настоящим, что дало возможность показать те или иные изменения, причины живучести этой формы семьи, адаптацию в современных условиях и т. д. Докладчик обратила внимание на почву бытования неразделенных семей в настоящее время — сохранение крепких родственных связей, а не экономический фактор, как это имело место в прошлом. В выступлении указывалось на сложное сочетание нового и традиционного в современных неразделенных семьях, приверженности к традиционному образу жизни, особую его устойчивость в семейно-бытовой сфере.

Объектом этнографического исследования научного сотрудника И. М. Садгян (Ташкент) были дети младенческого возраста в узбекской семье. Опираясь на полевую этнографический материал, собранный в Бухарской, Ташкентской и Джизакской областях, докладчик охарактеризовала узбекскую семью как институт социализации, участие тех или иных членов семьи, в зависимости от ее формы, в воспитании детей в первые годы их жизни, в уходе и общении с ними.

В выступлении отмечен ряд особенностей ухода за детьми раннего возраста в узбекской семье, к которым необходим критический подход. Традиционная система воспитания детей того или иного народа складывалась исторически, под воздействием определенных социально-бытовых условий жизни, хозяйственно-культурных традиций, экологических факторов и т. д. По мере социально-экономического развития общества, улучшения культурно-бытовых условий жизни народа, несомненно, произойдет постепенное изживание бытующих по сей день негативных и развитие позитивных моментов в системе традиционного воспитания детей.

Аспирантка Института этнографии АН СССР В. В. Гриценко, опираясь на материалы этносоциологического исследования в Северном Казахстане, рассмотрела особенности социально-демографических характеристик супругов в национально-смешанных браках. Она пришла к выводу, что по некоторым социально-демографическим характеристикам национально-смешанные семьи почти не отличаются от однонациональных, а по ряду других имеют довольно существенные особенности.

Проблеме культурных традиций было посвящено выступление мл. н. с. А. У. Токтабаева (Алма-Ата), в котором говорилось о древнем искусстве треннинга коня у казахов. Сообщение основывалось на полевом этнографическом материале: сведения информаторов, поведавших рассказы-легенды о знаменитых «сынши» (знатоках лошадей), опыте нынешних тренеров, занимающихся подготовкой коней к скачкам, и др. По словам докладчика, данная тема не была пока объектом этнографического исследования, не считая статьи, написанной еще в 1885 г. Материалы этих исследований представляют, помимо научного, и практический интерес.

Вопросы духовной культуры были затронуты в выступлении аспиранта У. С. Абдуллаева (Ташкент), подготовленном на материалах этнографического и этносоциологического исследования 1987—1988 гг. и посвященном языковым аспектам этнокультурных контактов национальных групп Ферганской долины. Докладчик отметил, что среди обследованных этносов (узбеков, таджиков, киргизов) наряду с билингвизмом идут процессы языковой ассимиляции. Темпы этих процессов определяются целым рядом факторов, из которых докладчик выделил компактность и дисперсность проживания той или иной национальной группы в пределах обследованной местности.

Мл. н. с. С. А. Шарипов (Ташкент) говорил о праздниках и обрядах, отмечающихся на территории современного Узбекистана в конце XIX — начале XX в. Докладчик перечислил весенние праздники цветов, распространенные среди народностей, составляющих население Узбекистана, — бойчечак, лола сайли, сайли гули сурх, кизил гул сайли и др. Говорилось и о женских весенних праздниках — сумалак сайли, довучча сайли, кизлар сайли и др. Докладчик остановился на порядке проведения праздников, областях распространения и времени их проведения, составе участников.

На конференции были заслушаны выступления еще двух этносоциологов.

Выступление Н. Р. Маликовой (Баку) было посвящено вопросу межнационального общения как сложного социально-психологического процесса взаимодействия, имеющего свои психологические, социальные и исторические предпосылки, условия протекания, динамику развития и определенный конечный результат.

Докладчик заострила внимание на методологических принципах сбора этносоциологических данных и попыталась поделиться некоторыми соображениями, касающимися этносоциологического исследования проблем межнационального общения на примере АзССР.

Научный сотрудник Х. А. Санакулов (Ташкент) уделил внимание традиционным и новым формам хозяйствования в сельхозпроизводстве на примере семейного обряда и чековой системы. Автор подробно остановился на чековой системе в отраслях сельскохозяйственного производства, семейном подряде в зерноводстве, шелководстве, виноградарстве, хлопководстве и др., вскрыл в этих формах хозяйствования позитивные и негативные стороны.

Итоги конференции подвели зав. отделом этнографии и этносоциальных проблем Института истории АН УзССР, доктор ист. наук З. Х. Арифханова и зав. сектором исторической этнографии, доктор ист. наук К. Ш. Шаниязов. Был сделан краткий анализ заслушанных выступлений, высказан ряд предложений и пожеланий. Так, говорилось о необходимости проведения подобных конференций в других среднеазиатских республиках в промежутках между проведением Всесоюзных научных сессий по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. Участники конференции единодушно поддержали данное предложение и высказались за развитие научных связей и контактов этнографов региона.

Материалы конференции решено опубликовать отдельным изданием. Ныне уже готовится к изданию сборник «Средняя Азия и Казахстан в новых и новейших исследованиях этнографов и этносоциологов».

И. М. Садьян

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

24—26 апреля 1989 г. в Ургенче прошла научно-практическая конференция «Состояние и задачи исторического краеведения в Узбекистане», проведенная по линии Республиканского проблемно-координационного Совета по истории Институтотом АН УзССР и Хорезмским педагогическим институтом им. В. И. Ленина.

Впервые за многие десятилетия была поставлена задача рассмотреть проблемы изучения истории городов и сел, фабрик, заводов, колхозов и совхозов, научных и культурных учреждений, выявления и охраны памятников истории и культуры, обсудить другие вопросы исторического краеведения, связанные с выявлением и использованием документальных памятников, фольклора, этнографических памятников (предметов быта, одежды, жилища и др.).

В работе конференции приняли участие ученые Института истории и Института археологии АН УзССР, преподаватели вузов республики, сотрудники музеев, учи-

теля истории. Для участников конференции была организована поездка в город-заповедник Хиву.

Конференцию открыл секретарь Хорезмского обкома Компартии Узбекистана Э. А. Рахманов. Он подчеркнул огромное значение истории, ее глубокого познания в духовном развитии народа, воспитании советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Со вступительным словом к собравшимся обратился зам. директора Института истории АН УзССР, канд. ист. наук Л. М. Транс. Он отметил важную роль исторического краеведения в формировании исторического сознания народа, мобилизации его духовных и нравственных качеств. Знание истории родного края, города, района, кишлака, где человек родился и вырос, пробуждает гордость за свою Родину, вооружает пониманием задач строительства социализма, желанием сделать свой край еще лучше. Задачи революционной перестройки социалистического общества, растущая демократизация и гласность выдвинули краеведение, в том числе историческое, в число актуальных проблем современности. Необходимо творческими усилиями специалистов и любителей-краеведов обеспечить высокий уровень исторического краеведения, повысить эффективность его воспитательных и научных функций.

Очень важно мобилизовать широкую общественность, прежде всего молодежь, на тщательное выявление, бережную охрану памятников истории и культуры, мест революционной, боевой и трудовой славы нашего народа. Многочисленные памятники истории и культуры, которыми столь богаты все области Узбекистана, требуют пристального изучения, описания, популяризации, а главное — всемерной охраны и реставрации. Это наше огромное богатство, всенародное достояние, которое мы обязаны сохранить на века, для будущих поколений. Памятники истории материальной и духовной культуры нуждаются в систематической, подлинно научной популяризации, пропаганде, с использованием всех средств массовой информации, при самом активном участии ученых, творческой интеллигенции, всех наших культурных сил.

С докладом о состоянии и перспективах исторического краеведения в Узбекистане выступила канд. ист. наук Л. А. Зальцман (Институт истории АН УзССР). Она подчеркнула, что краеведение находится на стыке многих отраслей знаний, однако исторические аспекты играют в нем ведущую роль. Местная история — так можно определить предмет исторического краеведения, причем объектом изучения являются социально-экономическое, политическое и культурное развитие села, города, района, области, края, наше культурно-историческое наследие, условия быта местного населения. Историческое краеведение в Узбекистане имеет свои глубокие корни, традиции. В его формировании важную роль сыграли прогрессивные представители науки и культуры XIX в., деятельность различных обществ и организаций, объединивших энтузиастов, любителей-краеведов из коренного населения и русской интеллигенции. Касаясь развития краеведения в 20-е годы, докладчик отметила, что то было время активного развития государственных органов по изучению исторического прошлого и настоящего своего края. Это и Комиссариат просвещения Туркестанской АССР по охране памятников, и научный Совет при Наркомпросе республики, и научные общества, комитеты, учреждения по охране памятников старинны и искусств. Однако лишь сейчас мы начинаем по-настоящему реально оценивать тот огромный ущерб, который был нанесен нашему национальному богатству, культурному наследию руками тех, кто в своем агрессивном беспамятстве в 30-е годы уничтожал величайшие памятники архитектуры, превращая их в склады, сарай, хранилища.

На состоянии современного краеведения в республике негативно сказывается отсутствие единого руководства. Эта работа не координируется ни по линии государственных, ни по линии общественных организаций; нет единого печатного органа для пропаганды краеведения и обмена опытом; не хватает специальной, научно-методической литературы по развитию историко-краеведческого движения.

Этнографическим проблемам исторического краеведения был посвящен доклад доктора ист. наук И. М. Джаббарова (ТашГУ им. В. И. Ленина). Важным средством изучения родного края, своей «малой Родины» является глубокое и всестороннее изучение предметов быта, одежды, жилища и иных аспектов этнографии народа. На конкретных примерах из деятельности таких крупных исследователей Средней Азии, как С. П. Толстов, В. Л. Вяткин и др., докладчик проследил их вклад в изучение истории узбекского народа, важность и необходимость этой работы в наши дни. Особая роль при этом отводится любителям-краеведам, чью деятельность призваны направлять ученые-этнографы. Однако в этом плане работа почти не проводится. Для налаживания ее следует использовать этнографические экспедиции, которые проводятся по линии отдела этнографии Института истории АН УзССР.

Канд. ист. наук А. С. Набиев (ТГПИ им. Низами) посвятил свое выступление роли педагогических вузов в подготовке историков-краеведов.

Важная роль в развитии краеведения принадлежит учителям, прежде всего историкам. Они чаще всего и выступают организаторами школьных музеев — самой массовой формы приобщения молодежи к краеведческой работе. Определенный

опыт в разработке курса исторического краеведения в педагогических вузах накоплен в ТГПИ им. Низами. Созданная здесь специализированная кафедра разработала несколько методик по проведению лекций и практических занятий, а также учебник по курсу на узбекском языке. Опыт показывает, что там, где преподаватель истории ведет научный поиск в области краеведения, там и возникают кружки любителей и знатоков своего края. Однако преподаватели педагогических вузов слабо координируют свои усилия в совершенствовании курса исторического краеведения, и сам он не занял еще должного места в системе подготовки школьных учителей.

По докладам развернулись оживленные прения. Докт. мед. наук А. Абдуллаев, директор музея-заповедника «Ичанкала», остановился на истории развития медицины в Хорезме в X—XII вв. Созданный в г. Хиве музей медицины неизменно привлекает внимание туристов и гостей города известными трактатами средневековой медицины Востока, многие положения которой не утратили своего значения и в наши дни. Докладчик отметил, что задача ученых — шире знакомить народ с его историей, мудростью предков, оставивших значительный след в истории мировой цивилизации.

Интересный, хотя и не однозначный, опыт накоплен в нашей республике по изучению истории колхозов и совхозов. Этому вопросу было посвящено выступление доктора ист. наук Э. Х. Ходжиева, подготовленное совместно с канд. ист. наук С. А. Акрамовым (СамГУ им. А. Навои). Созданный при ЦК КПУз Общественный институт истории колхозов и совхозов Узбекистана подготовил и опубликовал многотомное издание, в котором прослеживается история возникновения и деятельности наиболее крупных коллективных и советских хозяйств республики, подготовлены также очерки истории отдельных хозяйств, интересные альбомы и плакаты. Отдавая должное проделанной работе и просматривая ее с позиций сегодняшних оценок коллективизации и ее роли в осуществлении аграрной политики, Э. Х. Ходжиев считает целесообразным направить в дальнейшем усилия Общественного института на изучение истории городов и сел республики. Большой и интересный опыт в этом плане имеется на Украине, где подготовлена «История городов и сел Украины», удостоенная Государственной премии.

Тема изучения истории городов и селений, колхозов и совхозов была продолжена канд. ист. наук М. Тлеумуратовым (Нвкусский госуниверситет им. Т. Г. Шевченко), который посвятил свое выступление Каракалпакской АССР. Проводимая там работа позволила не только создать историю хозяйств, но и организовать ряд музеев при активном участии ветеранов труда. В музеях хозяйств проводятся экскурсии школьников, собрания, что углубляет связь поколений, формирует историческое сознание народа. Придавая большое значение воспитательной роли краеведения, М. Тлеумуратов высказался за целесообразность введения данного курса во всех учебных заведениях (школы, ПТУ, техникумы, вузы), вне зависимости от их профиля.

Об интересном опыте работы среди школьников рассказал научный сотрудник Института археологии АН УзССР В. И. Набоков. Созданная при Институте «Малая Академия» обрела большую популярность среди школьников Самарканда, приобщив их к глубокому изучению родного края. Ребята участвуют в археологических экспедициях, выезжают в другие районы республики, расширяя свои знания по истории и культуре.

Выступивший на конференции член «Малой Академии» ученик 7-го класса школы № 43 г. Самарканда С. Ибрагимов рассказал о работе ребят и обратился ко всем преподавателям, краеведам-любителям с просьбой уделять больше внимания школьникам, пробуждать у них интерес к истории, к прошлому своего народа.

Широкий круг проблем, связанных с изучением истории Хорезмской области, подняли в своих выступлениях канд. ист. наук А. Сабиров (Хорезмский ГПИ), сотрудники Музея-заповедника «Ичанкала» Р. Й. Искандаров, Д. Джаббаров. В частности, А. Сабиров отметил, что государственные и партийные архивы области находятся в неудовлетворительном состоянии. Многие документы, связанные с историей Хорезмской НСР, находятся в Ташкенте, Москве, что затрудняет их изучение. Надо резко усилить внимание научных и государственных органов к музеям области, особенно г. Хивы, где происходит разрушение уникальных памятников старины. Большой интерес собравшихся вызвали выступления любителей-краеведов Д. Рахимова — учителя истории из Гурленского района и А. Шерова из г. Хивы. Они рассказали о проблемах, которые встают перед краеведами при сборе и обобщении документов, о том, что порой их деятельность не встречает поддержки со стороны партийных и советских органов области.

Об опыте краеведческого изучения г. Андижана рассказал в своем выступлении канд. ист. наук С. Жалилов (Андижанский госпединститут). Исследование истории прошлого, истоков возникновения города побудило его обратиться к глубокому изучению источников, археологических раскопок.

Существенно расширили понимание исторического краеведения выступления канд. ист. наук Х. А. Сапакулова — «Экология и краеведение», канд. ист. наук Д. А. Алимовой — «Печать и краеведение», научного сотрудника А. И. Шевякова — «Советский фонд культуры и развитие краеведения».

Подводя итоги дискуссии, Л. М. Транис отметил, что доклады и выступления участников конференции свидетельствуют о большом интересе к проблемам исторического краеведения, о том, что назрела необходимость широкой постановки историко-краеведческой работы в республике. Суммируя предложения, высказанные на конференции, следует выделить основные из них:

- создать центр исторического краеведения Узбекистана;
- регулярно проводить научно-практические конференции в отдельных регионах республики;
- развивать школьное краеведение;
- нацелить внимание общественности и научных сил на создание истории городов и сел республики;
- ввести курс исторического краеведения во всех учебных заведениях;
- увеличить выпуск краеведческой литературы;
- совершенствовать программу и учебник по историческому краеведению в Узбекистане;
- создавать труды по истории краеведения республики.

Л. А. Зальцман

МУНДАРИЖА

Партия қарорлари — ҳаётга!

Н. Тухлиев. Аренда ва кооперация: тарих ва замонавийлик	5
А. Тўлаганов. Маҳаллий Советларни қарорлар қабул қилиши ва тайёр- гарлигининг тажрибаси ҳақида	12
Р. М. Саибов. Ижтимоий билишда активлик ва адекватлик диалектикаси	20

Илмий ахборот

М. И. Сулаймонова. Эвакуация қилинган корхоналарнинг жойлашиши ва ишга туширилишида ўзбек ва украин халқларининг ўзаро ҳамкорлиги (1941—1943)	26
К. Каримов. Юсуф Боласағуний ва унинг «Қутадғу билик» асари.	29

Фан янгилклари: изланишлар, кашфиётлар, топилмалар

Ш. Шайдуллаев, Т. А. Аннаев. Жанубий Ўзбекистондаги илк темир даврининг иккита янги жойи	31
С. А. Савчук, А. А. Малькеева. Кампиртепадай топилган музикачилар терракота ҳайкалчалари.	34

Манбашунослик

Ш. С. Камолiddинов. Сам'анининг «Қитаб ал-ансаб»да Фарғона тўғри- сидаги маълумотлар	37
---	----

Танқид ва тақриз

Ш. З. Уразаев. А. Х. Саидов. Қиёсий ҳуқуқшуносликка кириш	43
---	----

Юбиларларимиз

А. Х. Ҳикматовнинг 60 йиллигига	44
А. Қ. Валиевнинг 60 йиллигига	46
А. Урунбоевнинг 60 йиллигига	47
М. М. Файзиевнинг 60 йиллигига	48

Хроника

А. Ю. Агабеков, Л. Х. Ғафурова, Б. И. Қнопов. ЎзССР Фанлар ака- демиясининг йиллик мажлислари	49
И. М. Садгян. 1987—1988 йилларда этнографик текшириш якуналари бўйи- ча илмий конференция	52
Л. А. Зальцман. Тарихий ўлкашунослик бўйича муаммолар ҳақида кон- ференция	56

СОДЕРЖАНИЕ

Решения партии — в жизнь!

Н. Тухлиев. Аренда и кооперация: история и современность	5
А. Туляганов. О практике подготовки и принятия решений местных Советов	12
Р. М. Саибов. Диалектика активности и адекватности в социальном познании	20

Научные сообщения

М. И. Сулайманова. Сотрудничество узбекского и украинского народов в размещении и пуске эвакуированных предприятий (1941—1943)	26
К. Каримов. Юсуф Баласагунский и его «Кутадгу билиг»	29

Новое в науке: поиски, открытия, находки

Ш. Шайдуллаев, Т. Аннаев. Два новых пункта раннежелезного века на юге Узбекистана	31
С. А. Савчук, А. А. Малькеева. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа	34

Источниковедение

Ш. С. Камалиддинов. Сведения «Китаб ал-ансаб» Сам'ани о Фергане.	37
--	----

Критика и библиография

Ш. З. Уразаев. А. Х. Саидов. Введение в сравнительное правоведение	43
--	----

Наши юбиляры

К 60-летию А. Х. Хикматова	44
К 60-летию А. К. Валиева	46
К 60-летию А. Урунбаева	47
К 60-летию М. М. Файзилова	48

Хроника

А. Ю. Агабеков, Л. Х. Гафурова, Б. И. Кнопов. Годичные собрания в Академии наук УзССР	49
И. М. Садгян. Научная конференция по итогам полевых этнографических исследований 1987—1988 годов	52
Л. А. Зальцман. Конференция по проблемам исторического краеведения	56

НАШИ АВТОРЫ

- Тухлиев Н.**— доктор экономических наук, главный редактор УзСЭ.
Айнаев Т.— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
Каримов К.— кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР.
Малькеева А. А.— кандидат искусствоведения, ст. научный сотрудник Института искусствоведения им. Хамзы Хаким-заде Ниязи.
Туляганов А.— кандидат юридических наук, доцент юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
Камалиддинов Ш. С.— мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
Савчук С. А.— мл. научный сотрудник Института искусствоведения им. Хамзы Хаким-заде Ниязи.
Санбов Р. М.— преподаватель кафедры научного коммунизма РПИРЯЛ.
Сулайманова М. И.— ст. лаборант кафедры философии Ташкентского института усовершенствования врачей.
Шайдуллаев Ш.— мл. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.

Цена 65 к.

Индекс
75349